

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

По роду моей службы (*), я имѣлъ случай изучить: быть, характеръ, нравы и обычаи жителей Мехтулинскаго ханства и сосѣдственнаго съ нимъ Шамхальскаго владѣнія. Постараюсь передать мои замѣчанія и смѣю надѣяться, что занимательность разсказа заставитъ читателя простить мнѣ безыскусственность его, а можетъ быть и литературныя ошибки, въ которыя я могу впасть по моей неопытности въ литературномъ дѣлѣ.

Все, что будетъ говорено объ образѣ жизни жителей селенія Большаго Дженгутая, относится и къ жителямъ другихъ селеній, какъ этого ханства, такъ и Шамхальскаго владѣнія.

Селеніе Большой Дженгутай, отстоящее отъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры въ 18 верстахъ на югъ, считается столицей Мехтулинскаго ханства, правители котораго имѣютъ въ Большомъ Дженгутаѣ постоянную резиденцію.

Къ Мехтулинскому ханству принадлежатъ селенія: Большой Дженгутай, Малый Дженгутай, Апши, Дуранги (прозванное солдатами, по изобилію въ немъ табаку, табачнымъ аульчикомъ), Ах-кентъ, Кулецма, Чоглы, Аймаки и Оглы. Пять послѣднихъ принадлежатъ къ участку горныхъ селеній.

Климатъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ очень хорошій и здоровый, хотя лѣтніе жары бываютъ нестерпимы; морозовъ и даже сильнаго холода почти не бываетъ.

(*) Авторъ этой статьи, маіоръ Пржецлавскій, нынѣ помощникъ начальника войскъ въ Среднемъ Дагестанѣ и управляющаго вновь покореннымъ краемъ, находится на службѣ въ Дагестанѣ съ 1852 года.

Въ водѣ рѣчной и родниковой нѣтъ недостатка даже для обычнаго здѣсь орошенія полей; протекающія чрезъ селенія маленькія рѣчки (называемыя у туземцевъ *озенъ*) превращаются, при дождяхъ или во время таянія снѣговъ, въ огромныя рѣки, весьма опасныя для переправы.

Строевымъ лѣсомъ и топливомъ снабжаетъ ханство Губденскій лѣсъ (принадлежащій шамхальству), а болѣе урочище Харкасъ, отстоящее отъ селенія Дженгутая на юго-западѣ въ 7 верстахъ. Урочище это составляетъ границу немирныхъ намъ (до послѣднихъ событій) предѣловъ. Жители селенія Кака-Шуры, принадлежащаго подполковнику Али-султану, постоянно и въ большомъ количествѣ доставляютъ въ селеніе Дженгутай дрова, которыя продаютъ отъ 75 до 80 коп. за арбу, квартирующимъ въ томъ селеніи русскимъ офицерамъ и всадникамъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, имѣющимъ средства дозволить себѣ эту роскошь.

Жители занимаются посѣвами: пшеницы, проса, ячменя, овса и особенно кукурузы (гаджи-будая), составляющей обильную, дешевую и любимую пищу здѣшнихъ уроженцевъ. Распашка полей производится такъ же, какъ у насъ, съ тою разницею, что въ плугъ объ одномъ желѣзномъ наконечникѣ, на двухъ-колесномъ передкѣ, горцы запрягаютъ 3 — 4 пары быковъ или буйволовъ, и земля, мало уваженная, вспахивается очень неглубоко. Борону замѣняетъ влекомый быками или лошадыю, привязанный въ рядъ къ палкѣ хворостъ или колючка. Снятая съ полей кукуруза, очищенная отъ стеблей и листьевъ, развѣшивается на высокихъ жердяхъ и остается въ такомъ положеніи около мѣсяца, послѣ чего зерно выбивается палками и сыпается въ корзины (бежень). Пшеницу, ячмень и овесъ молотятъ посредствомъ лошадей и быковъ: для этого у каждаго хозяина есть молотильня (индырь, или харманъ), токъ, смазанный глиною; двѣ, три пары лошадей, буйволовъ или быковъ тащатъ по уложеннымъ въ кружокъ снопамъ толстую доску, имѣющую видъ саней и подбитую кусками острыхъ кремней; отдѣлившееся зерно провѣивается на мѣстѣ и сыпается въ шерстяныя чувалы (мѣшки). Солома (саманъ), собранная въ корзины изъ хвороста, сохраняется на зиму для прокормленія скота.

Когда кукуруза, развѣшенная на жердяхъ, довольно подсохнетъ и завянетъ, она складывается въ одно мѣсто, обыкновенно на галлерей, и выбивается отъ стержня. Для этой опер-

ци хозяйинъ приглашаетъ къ себѣ на всю ночь гостей: молодыхъ дѣвицъ и юношей. Собраніе это называется былкха. Всю ночь напролетъ одни усердно молотятъ палками кукурузу, а другіе еще усерднѣе отплясываютъ подъ звуки балалайки или гармоники, любимыхъ инструментовъ этой молодежи; уставъ отъ работы и танцевъ, собраніе слушаетъ пѣсни мужскихъ и женскихъ и занимается бесѣдою (лаквртъ); въ промежуткахъ пѣсень хозяйинъ и хозяйка угощаютъ гостей, чѣмъ Богъ послалъ. Острые хохотъ заставляютъ собраніе забыть, что оно приглашено для довольно трудной работы. Тароватые кавалеры угощаютъ дамъ купленными на свой счетъ орѣхами, конфектами и изюмомъ. Разговоры бываютъ въ слѣдующемъ родѣ:

Кавалеръ. Ай кызъ? (ай дѣвушки?)

Дама. Хай! (ай что?)

Кавалеръ. Маха сцѣсенъ? (любишь ли меня?)

Дама. Сцѣмень! (люблю!)

Кавалеръ. Сцѣмусенъ меня саха аламень? (хочешь ли, я на тебѣ женюсь?)

Дама. Хай, хай! сцѣмень! (разумѣется, хочу).

Кавалеръ. Якши гѣль! (прекрасно! иди же сюда!)

Затѣмъ онъ занимаетъ мѣсто около избранной имъ дамы.

При окончаніи былкхи, кавалеръ, въ заключеніе шутки, приглашаетъ свою названную жену въ спальню и, при отказѣ, обыкновенно продолжаетъ разговоръ такъ:

Кавалеръ. Хай кызъ! (ей дѣвушка?)

Дама. Хай? (что?)

Кавалеръ. Семъ якши хатумъ тугумъ сенъ! (ты недобрая супруга!)

Дама. Не этеимъ? (что жъ дѣлать!)

Кавалеръ. Ментъ саха саламень! (я развожусь съ тобою).

Дама. Нелчюнъ саласенъ? (почему?) и т. п.

Собраніе, окончивъ работу, расходится по домамъ на разсвѣтѣ.

Почти каждый годъ вы услышите напрасныя жалобы горцевъ на неурожай, — жалобы, цѣль которыхъ — зимою возвысить цѣну на пшеницу, ячмень и сѣно.

Посѣвами огородныхъ продуктовъ жители вовсе не занимаются, по той только причинѣ, что ихъ дѣды и отцы не занимались этою полезною отраслю хозяйства. Предложивъ горцу очевидно полезное нововведеніе, вы можете быть увѣрены, что

услышите въ отвѣтъ: «адагъ юхтурь!» то есть: дѣтъ обычая; а, между тѣмъ, подарите жителю картофель, капусту или огурцовъ, онъ съ удовольствіемъ употребитъ ихъ въ пищу и надобѣсть вамъ просьбами о вседневномъ одолженіи овощей, не стоящихъ ему ни времени, ни трудовъ, ни денегъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ заставляютъ: фасоль, бобы, бурани, морковь, лукъ, чеснокъ и рѣдьку, но въ весьма маломъ количествѣ. Печеная тыква — любимое кушанье мусульманъ.

Кромѣ пѣльвовъ, болѣе зажиточные люди занимаются скотоводствомъ. Простой народъ вообще держитъ у себя столько рабочаго скота, сколько нужно его для домашняго обихода. Если случится, что у хозяина заболѣетъ скотина, въ томъ числѣ и лошадь, то, въ самую минуту передсмертныхъ мученій, ее дорѣзываютъ и говядину раздѣляютъ на бѣдныхъ или ѣдятъ ее въ своемъ семействѣ. Каждый хозяинъ рѣжетъ на зиму нѣсколько барановъ и засушиваетъ ихъ на солнцѣ, отчего мясо барана (кахъ-огъ) принимаетъ вкусъ рыбы и имѣетъ какой-то непріятный запахъ. Хорошо приготовленная и достаточно промытая говядина эта имѣетъ вкусъ ветчины.

Къ хозяину, потерявшему скотину, родственники и близко знакомые приходятъ съ изъявленіемъ сожалѣнія, выражаемого слѣдующими словами: башиненъ садаха болсунъ, что значить: да будетъ это жертвою въ пользу твоей головы.

Изъ домашней птицы дѣшнїя домохозяйки содержатъ только куръ и гусей. Послѣдніе играютъ самую страдальческую роль: съ нихъ ежегодно выщипываютъ пухъ для продажи. Двѣнадцать гусей-мучениковъ приносятъ въ годъ дохода 10 руб. серебромъ.

Фруктовыхъ садовъ въ ханствѣ очень немного, и на улучшение ихъ никто не обращаетъ вниманія. Цудахарское общество, Даргинскаго округа, изобильно снабжаетъ насъ отличными яблоками; но они въ Мехтулинскомъ ханствѣ сбываются не иначе, какъ промѣною на кукурузу, ячмень или пшеничную муку. Операция эта производится обыкновенно такимъ образомъ: продавецъ, привезя на арбѣ (татарской двухъ-коленной повозкѣ) свой товаръ, останавливается у кунака (пріятеля) и за небольшое вознагражденіе высылаетъ двухъ, трехъ дѣвочекъ на крышу дома, гдѣ эти дѣвочки кричатъ: «гаджи будая, будая, арпага адма алакъ» (кто желаетъ промѣнять кукурузу, пшеницу или ячмень на яблоки?); по этому призыву юныхъ глашатаевъ, про-

ходъ къ дому кунака, отправляются десятки женщинъ совершать предполагаемый промѣнъ. Такимъ же образомъ, происходитъ промѣнъ бозы (напитокъ, замѣняющій у татаръ вино) и фасоли на пшеницу же и кукурузу.

Юное поколѣніе прекраснаго пола усвоило себѣ, кромѣ этого, еще и другіе источники легкаго пріобрѣтенія денегъ на ладонѣ: дѣвочки, подобно ученикамъ мулль, о которыхъ будетъ сказано ниже, имѣютъ запасъ пѣсенъ, поздравляющихъ съ началомъ четырехъ времени года, просящихъ хорошей погоды или дождя, смотря по надобности той или другаго. Пѣснь, молящая о дождѣ, имѣетъ особый характеръ: для этого собирается десятокъ маленькихъ пѣвицъ, съ деревянною огромною лопатою, на которой довольно грубо нарисованы мѣломъ, красною глиною и углемъ: змѣи, лягушки и т. п. Подходя къ воротамъ каждаго дома, одна изъ дѣвушекъ побойчѣ запѣваетъ, а остальные за каждымъ куплетомъ повторяютъ припѣвъ: «ой Замъ, уй алай!»

Приведу одинъ изъ куплетовъ подобной пѣсни:

Замъ, Замъ, нугѣръ Замъ!

Хоръ: Ой Замъ урь алай!

Койчу уланга не гѣрекъ?

Хоръ: Ой Замъ урь алай!

Челѣкъ, челѣкъ су гѣрекъ.

Хоръ: Ой Замъ урь алай!

Въ переводѣ Замъ, Замъ (должно быть, мифологическій покровитель дождя): настуху овецъ чего надо? ой, Замъ, пріударь, пожалуйста! Ведро, ведро воды надо! ой, Замъ! пріударь, пожалуйста!

Большая часть куплетовъ этой длинной пѣсни заключаетъ въ себѣ похвальное слово хозяину дома и хозяйкѣ: они тутъ сравниваются съ идеалами красоты, доброты и благородства, и имъ, по словамъ пѣсни, прилично даже носить порфиру, — какъ будто бы похвала ихъ качествамъ можетъ вызвать желаемый дождь. Привышій къ своимъ воротамъ хоръ дѣвушекъ обязанъ войти на крышу съ кувшиномъ воды, вылить ее на головы пѣвицъ, а потомъ, по мѣрѣ возможности, надѣлать деньгами или подарками, заключающимися въ кусочкѣ ситца, парчи или чашкѣ муки.

Въ 1852 году, еще нельзя было свободно пройти по улицѣ Русскому, не бывъ застигнутымъ ребятишками обоого пола, кричащими вамъ: «Ахча веръ, шекеръ веръ» (дай денегъ! дай са-

хару!); но обычай этотъ теперь вывелся совершенно. Сообщество съ Русскими, постоянно квартирующими въ Большомъ Дженгутай и другихъ селеніяхъ ханства, и вліяніе хановъ мехтулинскихъ, стремящихся къ просвѣщенію и прогрессу, измѣнили много неприличныхъ и смѣшныхъ адатовъ.

Мусульманинъ никогда не передетъ своему одновѣрцу или даже христіанину дурной вѣсти, зато съ хорошимъ извѣстіемъ готовъ скакать за 50 верстъ, будучи увѣренъ, что получитъ обычный подарокъ. Если вамъ случится сказать мусульманину, что вы видите сонъ, то онъ, не выслушавъ начала, считаетъ долгомъ въжливости утвердить: «шу якши лыхъ-ичюнъ!» то есть: это къ хорошему.

Дома жителей выстроены изъ камня на грязи или глинѣ. Крыши плоскія, убитыя и смазанныя глиною, съ примѣсью самана (мѣшанной соломы) и гуана, вообще не удерживаютъ течи. Для предупрежденія этого неудобства, считается лучшимъ средствомъ засыпать щели, образующіяся отъ жары въ крышахъ, золою. По совершеніи этой операціи, крыша убивается вальками, укатывается каменнымъ каткомъ и составляетъ сплошную твердую массу. Потолки (пурха) подшиваются или коротенькими дощечками на протяженіе балки отъ балки, которыхъ, обыкновенно, кладется въ комнату, длиною въ 8 и шириною въ 5 шаговъ, болѣе 12, или же очищеннымъ отъ листьевъ камышомъ, соединяющимъ въ себѣ удобства и прочности и дешевизны. Изъ каждой почти комнаты на галерею во внутрь двора есть дверь и два окна; между послѣдними, внутри комнаты, строится каминъ безъ дверецъ и вьюшки, съ трубою изъ хвороста, плотно смазаннаго глиною; въ каминѣ огонь поддерживается цѣлыя сутки. Двери и ставни, обыкновенно, бываютъ половинчатыя, топорной, прочной работы изъ дуба, безъ всякой оковки, запирающіяся во внутрь комнатъ толстыми деревянными засовами. Въ примыкающей къ улицѣ стѣнѣ, около дверей и окошекъ, дѣлаются бойницы, такъ что каждая комната, въ военномъ отношеніи, имѣетъ характеръ оборонительный. Бойницы эти, когда въ нихъ нѣтъ надобности, закрываются камнями.

Для штукатурки строеній употребляется $\frac{3}{4}$ чистаго лошадиного гуана и одна четверть глины. Дома внутри и снаружи бѣлятся известкою, съ отбитыми внизу красными карнизамъ. Впрочемъ, известка замѣняется иногда бѣлою глиною, въ изобиліи здѣсь добываемою, а для карнизовъ служитъ красная глина. При состав-

леніи бѣлой или красной жидкости, къ глинѣ этой примѣшивается мука. Для отбивки карнизовъ въ черный цвѣтъ употребляется сожженная трава дурманъ (*Datura stramonium*), съ примѣсью же муки. Побѣлка домовъ и смазка глиною половъ возобновляются хозяевами почти еженедѣльно. Недостатокъ гуана, при оштукатуркѣ, можетъ быть замѣненъ саманомъ (мякипою).

Въ каждомъ домѣ, гдѣ хотя однажды квартировалъ офицеръ, остаются въ наслѣдство хозяину оконныя стеклянныя рамы, но онѣ, обыкновенно, по выбитіи постояльца, свиваются для продажи, всегда по одной и той же причинѣ: имѣть въ комнатахъ оконныя рамы со стеклами—«адатъ іохтуръ!» Такой же участи подвергаются досчатые полы, голландскія печки и тому подобныя, не входяція въ мѣстный обычай, украшенія постояльца, позаботившагося о нѣкоторомъ comfortѣ.

Полы въ сакляхъ и на галереяхъ земляныя, смазанныя глиною, подобно крышамъ; они хотя и покрываются коврами, паласами или весьма искусно и красиво плетеными изъ камыша рогожами, но имѣютъ ту невыгоду, что, безъ ежедневной поливки водою, безъ выбивки ковровъ, поднимаютъ слой пыли, который ложится на вещи и платьѣ.

Домъ богатаго жителя состоитъ изъ двухъ, трехъ и болѣе комнатъ, для круговаго сообщенія между которыми есть въ каждой общей стѣнѣ, наравнѣ съ поломъ, маленькая лазейка въ родѣ окошечка, называемая ара терезе. Дворъ (авзаръ) составляетъ квадратъ, застроенный службами: конюшнями, навѣсами для скота и огромными продолговатыми корзинами (бежень), сплетенными изъ турлука, обмазанными бѣлою глиною и съ отверстіемъ наверху въ аршинъ, для ссыпки хлѣба. Корзины эти замѣняютъ амбары. На улицу выстраиваются проходныя ворота (капу), деревянныя у богатыхъ и плетевыя у бѣдныхъ жителей; надъ этими воротами у первыхъ находятся маленькіе мезонины (кала) съ балкончикомъ, дверью на дворъ и съ двумя окошками на улицу. Въ этихъ уютныхъ комнатахъ живутъ лѣтомъ.

Крыша домовъ (калкэ), по своей тяжести, какъ выше сказано, требуетъ для одной 5-аршинной комнаты не менѣе 12 поперечныхъ балокъ, для поддержанія которыхъ необходима продольная балка (прахы), на одномъ или двухъ столбахъ (бахана), занимающихъ много мѣста и дѣлающихъ видъ комнаты безобразнымъ. Галерея (духа); во всю длину жилаго строенія, по фасаду, есть принадлежность почти каждого дома; на ней лѣтомъ

в весною хозяева проводятъ большую часть времени, женщины—занимаясь работою, болтовнею, дѣвушки — наигрывая лезгинку и русскіе казачки на любимомъ ихъ инструментѣ гармоніи (органъ), а мужчины — занимаясь струганиемъ палочекъ и курениемъ трубки; однимъ словомъ, все семейство находится въ приятномъ бездѣйствіи. Для дополненія картины, тутъ же совершенно голые ребятишки, съ вымазанными, для предохраненія отъ солнечнаго загару, бѣлою глиною личиками, одни подгоняютъ гибкими прутиками или самодѣльными бичами волчковъ, а другіе терзаютъ уши домашняго цербера, отвѣчающаго имъ безвреднымъ ворчаньемъ.

Всѣ селенія (юртляръ) построены весьма сжато, конечно для удобнѣйшей при нападѣняхъ непріятеля обороны, такъ что одно строеніе прилѣплено къ другому; улицы узкія, едва дающія возможность разѣхаться двумъ арбамъ. Каждое селеніе имѣетъ нѣсколько мечетей. Одна изъ нихъ почитается главною; въ ней отправляетъ службу старшій кадій или мулла, и въ ней почти цѣлый день слышатся неистовые напѣвы священной мусульманской пѣсни, состоящей изъ повторяемыхъ на разные мотивы словъ: «ля иль ага иль Алла!» т. е. нѣтъ Бога, кромѣ Бога. Минаретъ главной мечети возвѣщаетъ о времени намазовъ (омоления и молитвы). Старшій мулла восхваляетъ Бога призывомъ правовѣрныхъ мусульманъ къ молитвѣ только въ значительные праздники и въ пятницу (джума гунъ); въ будни же исполняютъ эту обязанность ученики. Они гордо взлѣзаютъ на минаретъ и, заткнувъ уши большими пальцами и растопыривъ остальные пальцы обѣихъ рукъ, кричатъ нараспѣвъ, басомъ: «Аллагу акперъ! ашь-адуанъ, ля иль ага иль Алла, ваашъ-кадуанна Мухамедуъ Ресулула!» т. е. Богъ есть сущій, Богъ есть единый, Магометъ посланникъ Божій! Взывать правовѣрныхъ къ молитвѣ, въ опредѣленное на то время, можетъ каждый мусульманинъ; это даже считается у нихъ богоугоднымъ дѣломъ (зуабъ).

Въ селеніи съ болѣе значительнымъ народонаселеніемъ отъ 10 до 12 мечетей; при каждой изъ нихъ есть мулла или кадій, у котораго воспитывается юношество, готовящееся въ духовное званіе, — званіе самое прибыльное и беззаботное. Воспитанниковъ этихъ именуютъ муталимы. Муллы не отбываютъ никакихъ сельскихъ обязанностей, а, напротивъ, живутъ на счетъ общества, пользуясь, какъ алымы (ученые), большимъ уваженіемъ одесельцевъ. Не говоря уже о доходахъ, которые они извлекаютъ

изъ свадебъ, обрѣзанія и похоронъ, муллы эти, судьи пристрастные и корыстолюбивые, не рѣшаютъ ни одного подлежащаго имъ разбору дѣла безъ взятки (рушветъ—сызъ). Рѣшеніе шаріата можно повернуть въ пользу праваго и виноватаго, смотря по расположенію судьи къ истцу и отвѣтчику.

Ученики (муталимы), собранные съ разныхъ странъ Дагестана, существуютъ при мечетяхъ годами, ежедневно собираемымъ и обратившимся почти въ повинность, считающуюся зуабомъ; они отыскиваютъ разные средства, чтобы выманить отъ всѣхъ и каждого продукты и деньги: такъ, напримѣръ, при засухѣ ходятъ ватагою отъ дома до дома съ молитвенною пѣснью о дождѣ (для чего и выбираютъ нарочно время, когда, дѣйствительно, можно ждать дождя); въ пенастное время просятъ о хорошей погодѣ, поздравляютъ съ началами четырехъ временъ года, имѣя въ рукахъ значекъ изъ разныхъ тряпокъ, на верху котораго привязано чучело какой-то птицы; являются ко всѣмъ новопривѣзжимъ въ селеніе лицамъ съ поздравительнымъ похвальнымъ письмомъ и за все это собираютъ деньги или получаютъ подарокъ. Для искорененія фанатизма, со всѣми его грустными послѣдствіями предразсудковъ и злоупотребленій, было бы весьма полезно упразднить излишнее число муллъ, оставляя ихъ въ каждомъ селеніи не болѣе двухъ человекъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края.

Для управленія селеніями, назначаются землевладѣльцами или правителями сельскіе старшины (бегоулъ) и, въ помощь имъ, десятскіе (чаушъ), обязанные каждый вечеръ, взойдя на возвышеніе, командуемое селеніемъ, или на крышу, передать своей части приказанія: относительно работъ, охраненія границъ и табуновъ караулами, или о прекращеніи работъ и невыпускѣ табуновъ на подножный кормъ, по случаю сбора хищническихъ партій для вторженія на плоскость.

Въ каждомъ селеніи, при всѣхъ вѣздныхъ воротахъ, содержится ночью караулъ отъ жителей; для караульныхъ выстроена тамъ сторожевая комнатка; но за исправность этихъ карауловъ поручиться едва ли возможно: неисправность ихъ доказывалась тѣмъ, что мюриды, не говоря уже о похищеніи мехтулинской ханши, въ бытность мою въ Дженгутаѣ, нѣсколько разъ проскакивали чрезъ селеніе безпрепятственно и безнаказанно.

Обратимся снова къ образу жизни и обычаямъ описываемыхъ нами племенъ.

Въ комнатахъ простаго жителя не существуетъ никакой мебели, кромѣ одного или двухъ самодѣльныхъ низенькихъ табуретокъ, пологныхъ скамеекъ, употребляемой у насъ подлѣ ноги. Уборка комнатъ слѣдующая: параллельно къ камину положена, на трехъ каменныхъ или кирпичныхъ столбахъ, широкая доска отъ половины и во всю длину стѣны, завѣшанная длиннымъ паласомъ (ковромъ) или сукномъ какого цвѣта; на доскѣ этой укладывается свернутый и перевязанный симметрически двумя изъ бѣлаго каленкора лентами тюфякъ, поверхность котораго изъ цвѣтнаго бархата или матеріи, а нижняя часть изъ синей нанки; сложенное на лицевую сторону одѣяло на ватѣ, шелковое на ситцевой подкладкѣ, и сверху, въ стоячемъ положеніи, огромнаго размѣра подушка. Такихъ постелей (орунъ), составляющихъ главное украшеніе комнатъ, въ каждомъ домѣ должно быть на семь человекъ: онѣ получаютъ хозяиномъ въ приданое за женою. Въ поперечныхъ стѣнахъ наверху, вплоть до потолка, находится длинная амбразура; она заставляется мѣдными кувшинами, такими же мисками, бутылками, фаянсовыми тарелками, стаканами, маленькими тазиками и другою посудой; тоже въ видѣ украшенія; затѣмъ стѣны отъ амбразуръ этихъ до полу завѣшиваются сукномъ, обыкновенно краснымъ съ зелеными отводами; на сукнѣ этомъ красуются грошевыя зеркала и оружіе хозяина. Нѣсколько красныхъ русскихъ сундуковъ разной величины, непремѣнная принадлежность каждаго дома, дополняютъ украшеніе комнатъ.

У богатыхъ жителей и аристократіи вся постель дѣлается изъ парчи и дорогихъ шелковыхъ матерій, занавѣсы по стѣнамъ (перде) также изъ парчи или штофа, а амбразуры заставлены серебряною, хрустальною, фаянсовою и аглинне посудой. Въ домахъ такихъ вы найдете венеціанскія зеркала, русскія мебели и полы, покрытые богатыми хорасанскими коврами. Вообще, въ азіатскихъ украшеніяхъ комнатъ много блеска, мало вкуса и много напрасной траты денегъ на тряпки, могущія быть замѣненными полотномъ, каленкоромъ и обоями. У всѣхъ почти хановъ въ Дагестанѣ есть отдѣлъ комнатъ, меблированныхъ въ европейскомъ вкусѣ, хотя, правду сказать, и остальное помѣщеніе сохранило только частицу азіатскаго.

Во всѣхъ домахъ у порога виситъ, обыкновенно, тазъ изъ красной мѣди, до двухъ аршинъ въ діаметрѣ (силябчи), въ которомъ мужъ и жена, послѣ каждой проведенной въ супружескомъ сѣ-

гласи ночи, обливаются съ головы до ногъ водою. Операция эта называется киринмага, и безъ нея ни мужчина, ни женщина не могутъ совершить намаза. Обмывшись такимъ образомъ женщина, избѣгая прикосновенія мужчины, всегда отстраняетъ отъ себя приближающагося словами: «тай намазымъ баръ» (прочь, я чистая для молитвы). Если между намазомъ и молитвою до тѣла мужчины дотронется женщина, а до женщины мужчина, или на коснется платья ихъ собака, то намазъ считается испорченнымъ (намазъ бузды), и должно снова обмываться.

Мусульмане совершаютъ пять разъ въ сутки намазъ, для чего молящійся, снявъ обувь, становится на коверъ лицомъ къ востоку, кладетъ поклоны и произноситъ шепотомъ молитву, частію стоя на ногахъ, а частію на колѣняхъ; при окончаніи молитвы, поворачиваетъ голову направо и налево и обтираетъ лицо обѣими ладонями рукъ. Женщины, для намаза, снимаютъ обувь и шальвары. Гдѣ нѣтъ воды, мусульмане, въ опредѣленное время, дѣлаютъ только примѣрное омовеніе и читаютъ молитву. Во время дѣла съ неприятелемъ или на службѣ, когда невозможно правильно исполнить намаза, разрѣшено читать установленную молитву, не останавливая служебныхъ занятій, а поклоны замѣнять опусканіемъ головы внизъ. Приличіе не позволяетъ описать подробнѣе обрядъ мусульманскаго намаза и порядокъ сохраненія чистоты тѣла для молитвы.

Жители Мехтулинскаго ханства говорятъ на кумухскомъ нарѣчій; но въ горныхъ селеніяхъ болѣе въ употребленіи лезгинское или тавлинское. Тавлинцевъ, поселившихся здѣсь съ семействами въ большомъ числѣ, послѣ выхода изъ горъ, Мехтулинцы называютъ таулу (горцы), а Тавлинцы Мехтулинцевъ — тюзлю (житель равнины). Между этими двумя націями тѣсной дружбы не существуетъ, и только съ недавняго времени жители рѣшились выдавать замужъ дочерей своихъ за Тавлинцевъ, служащихъ въ Дагестанскомъ конно-иррегулярномъ полку, какъ за людей, имѣющихъ достаточно средствъ для приличнаго содержанія жены и семейства.

Къ Персіанамъ здѣшніе жители также не расположены и называютъ ихъ каджарами.

Доходъ правителя Мехтулинскаго ханства состоитъ изъ ежегоднаго сбора съ каждаго двора по сабѣ (мѣра почти въ пудъ) пшеницы и ячменя. Доставка дровъ, заготовленіе сѣна и снятие съ полей ханскихъ посѣвовъ лежитъ на обязанности жителей; но

главный, какъ кажется, доходъ заключается въ штрафахъ (куду) налагаемыхъ ханомъ, или правителемъ, по обычаю, на провинившихся. Оштрафованный долженъ внести деньги, быка, козову, барана или даже повуду, смотря по мѣрѣ вины. Духанички, торгующіе по селенію водкою, платятъ правителю значительныя деньги за право торговли, и, чтобы поощрить сумму отдаваемую въ доходъ хану, они безъ совѣсти и безъаканно обманываютъ обывателей, продавая имъ не спиртъ, разведенный водою, а воду, разсыропленную спиртомъ.

Съ недавняго очень времени жители вносятъ въ казну земскій сборъ (почтъ-ахчасы), по 60 коп. сер. въ годъ съ двора. Сборъ этотъ, постепенно увеличивавшійся, учрежденъ управлявшимъ ханствомъ полковникомъ И. Д. Лазаревымъ. Кромѣ того, жители обязаны давать, по требованію начальства, обывательскія подводы и исправлять пути сообщенія.

Для охраненія передовой линіи отъ безпрестанныхъ вторженій хищническихъ непріятельскихъ партій, сформированы двѣ конныя сотни: первая—изъ жителей селеній Большаго и Малаго Дженгутая, и вторая—изъ жителей Дургали. Сотни эти состоятъ въ вѣдѣніи хана. Всадники обязаны имѣть хорошихъ лошадей, и возможности однообразную одежду, исправное оружіе, выходить по тревогѣ и по востребованію начальства, поступать въ составъ дѣйствующихъ отрядовъ; они избавлены отъ нѣкоторыхъ сельскихъ повинностей и за время состоянія въ отрядахъ получаютъ по 5 руб. сер. въ мѣсяцъ жалованья и 2 руб. на провіантъ.

Въ военномъ отношеніи, Мехтулинцы стоятъ гораздо выше Шамхальцевъ, которые, въ домашнемъ быту, развигрывая розгордыкъ, храбрыхъ узденей, теряютъ свою смѣлость, когда коснется дѣло до боевой схватки. Вообще, жители тѣхъ селеній въ ханствѣ, въ которыхъ господствуетъ тавлинскій языкъ, храбры своихъ земляковъ, говорящихъ кумухскимъ нарѣчіемъ.

Милиціи изъ мусульманъ могутъ быть очень полезны дѣла въ дѣлѣ войны, при разумномъ употребленіи этихъ милицій; но, требуя отъ горцевъ излишней храбрости, посылая ихъ въ опасныя мѣста боя, безъ резерва русскихъ штыковъ, можно быть совершенно убѣжденнымъ, что они покажутъ непріятелю тылъ и, начавъ отступление рысью, окончатъ его постыднымъ маршемъ.

Дѣла гражданскія и уголовныя рѣшаются донинѣ, гдѣ есть управители изъ русскихъ чиновниковъ, муллами по адату (обы-

чаю) или по шариату (судомъ духовнымъ). Шариатъ есть законъ, составленный арабскими халифами; настоящее его названіе — шариатъ. Дѣла по воровствамъ могутъ быть рѣшаемы только по адату, потому что шариатъ предписываетъ отсѣкать ворахъ руки, и еслибы это исполнялось, то на Кавказѣ было бы огромное количество безрукихъ.

Торговля краснымъ товаромъ по селеніямъ въ рукахъ татарскихъ Евреевъ. Они платятъ ханамъ деньги за право торговли и вообще очень дорого сбываютъ свой товаръ, заключающійся болѣею частію: въ ситцахъ, каленкорѣ, набойкѣ, мирзан (бумажной матеріи, употребляемой на архалуки для мужчинъ и рубашки для женщинъ) и проч. Общеупотребляемая въ торговлѣ мѣра — кары (около $\frac{3}{4}$ русскаго аршина). Двѣ кары составляютъ ханскій аршинъ. Лавокъ по селеніямъ нѣтъ. Евреи продаютъ свой товаръ, разнося его за спиною въ небольшомъ тюкѣ, при чемъ кричатъ: кумачъ ала! кумачъ ала! купи товаръ, купи товаръ! Евреи своихъ собственныхъ домовъ не имѣютъ, а живутъ въ наемныхъ квартирахъ. Жители оказываютъ имъ явное презрѣніе, хотя и постоянно связаны съ ними денежными интересами. Евреевъ капиталистовъ по селеніямъ я не встрѣчалъ. Они болѣею частію торгуютъ на деньги, взятыя на процентъ отъ милиціонныхъ офицеровъ изъ мусульманъ, получающихъ отъ казны пенсіоны и жалованье, или на деньги, взятыя отъ зажиточныхъ односельцевъ.

Каждый мусульманинъ, имѣющій хотя самое малое число наличныхъ денегъ, есть ростовщикъ. Давать займы деньги — это конекъ мусульманъ, и немудрено: получить въ годъ за 20 руб. 12 руб. сер. процентовъ, — сдѣлка хотя и безсовѣстная, но заманчивая. Частыя банкротства кредиторовъ нисколько не отбиваютъ у мусульманъ охоты отъ безпрестанныхъ денежныхъ сдѣлокъ.

Горецъ всегда готовъ продать лошадь другому въ долгъ, распредѣляя уплату на самое отдаленное время по частямъ, но за то уже непременно продастъ коня, стоящаго 25 р., за 50 р. сер.

Донинѣ существуетъ обычай, что купившій лошадь можетъ ее возвратитъ обратно продавцу даже черезъ годъ. Въ Мехтулинскомъ ханствѣ опредѣлено срокомъ для возврата купленной, оказавшейся негодною, лошади три дня.

Подаренную вещь отобрать назадъ не считается предосудительнымъ поступкомъ; дѣлающій вамъ «пешкешъ» (подарокъ)

разсчитываетъ на то, что будетъ отдаренъ вдвойнѣ, но если увидитъ, что вы человекъ недогадливый, то безъ церемоній потребуетъ свой пешкешъ обратно. Если русскій офицеръ похвалитъ у простаго горца какую нибудь вещь, то послѣдній непременно предложитъ ее въ подарокъ; но не дай Богъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, потому что если вы примете подарокъ, то должны будете заплатить за него въ три дорога и навяжете на свою голову докучливаго кунака (пріятели).

Высшій классъ народонаселенія въ ханствѣ составляютъ ханы; за ними слѣдуютъ беи (младшая линія хановъ), беки (дворяне) и чанки (незаконное ханское племя, родъ ханскихъ вассаловъ). Къ низшему классу людей принадлежатъ: уздени, состоящіе въ полной зависимости хановъ; гузы (крѣпостные люди), которыхъ могутъ имѣть зажиточные люди всѣхъ сословій и ханы; крѣпостныя женщины называются кара-вашъ. За крѣпостныхъ людей обоюго пола платится отъ 250 до 400 р. сер. Мусульманинъ, купившій дѣвку или вдову, прійскаиваетъ ей въ мужья какого нибудь бѣднаго работающаго одновѣрца, за что этотъ послѣдній исполняетъ самыя тяжелыя работы въ домѣ перваго и прижитыя отъ работника дѣти дѣлаются крѣпостными хозяина. Происшедшій отъ хана и кара-вашъ, или узденки, младенецъ поступаетъ въ сословіе чанковъ.

Есть еще сословіе людей, называемыхъ башъ-эмджекъ: это—пріемные братья и сестры хановъ, въ семействахъ которыхъ ханы были вскормлены. Сословіе это пользуется постоянно особеннымъ снисхожденіемъ и льготами, получаетъ кой-какіе подарки отъ своихъ вскормышевъ и цѣлою ватагою, обще съ чанками и кулами, торчитъ весь день у порога своего хана, безъ всякой видимой надобности. Наши юные мехтулинскіе ханы, болѣе приравнявше уже къ европейскому образу жизни, какъ замѣтно, стараются искоренить этотъ и другіе безполезные обычаи.

Въ башъ-эмджеки избираются самыя зажиточныя и первенствующія между узденями семейства. За честь этого избранія они считаютъ себя обязанными ежегодно дѣлать для хановъ балъ (той), исправлять на свой счетъ угощеніе ханскимъ гостямъ, устраивать свадьбы и даже похороны, за что ханы съ избыткомъ отдариваютъ ихъ. Если судьба надѣлитъ эмджека воспитанникомъ женскаго пола — быкэ (дѣвицею-ханшею), то все его семейство донашиваетъ съ плечей ханши старыя платья. Башъ-эмджеки полобострастно бываютъ преданы своимъ ханамъ, пред-

ны имъ тѣломъ и душою, и считаютъ ихъ выше всѣхъ сословій въ мірѣ.

Посѣщеніе хановъ начинается съ самаго ранняго утра, и до полудни двери ихъ резиденціи не запираются. Входящій житель раскланивается, снимая правою рукою сзади напередъ папаху и привѣтствуя своего улусы (великаго) словами: «тангъ якши болсунт» (доброе утро), послѣ чего прислоняется къ стѣнѣ, отвертываясь и плюнетъ нѣсколько разъ, постоявъ часъ въ молчаніи, возвращается домой совершенно довольный честью, что находится въ обществѣ хана. По обычаю, ханъ не долженъ обращать большаго вниманія на посѣтителей, а тѣмъ болѣе возвращать имъ поклонъ: подобная фамильярность роняетъ, въ глазахъ мусульманъ, ханское достоинство. Если въ числѣ посѣтителей хана будутъ офицеры изъ туземцевъ и муллы, то ханъ, послѣ небрежнаго наклоненія головы и краткаго привѣтствія, проситъ ихъ садиться; но каждый разъ, когда ханъ встаетъ съ своего мѣста, должны вставать и всѣ присутствующіе.

Удостоенные пріема, муллы, какъ люди высоко ученые (алимы), чинно и молчаливо сидятъ на диванѣ или на полу, въ огромныхъ чалмахъ, и отъ времени до времени, перебирая въ рукахъ зернушки четокъ изъ каменнаго угля (зубханъ), испускаютъ вздохи со словами: «това астафирула!» (прости мое погрѣшеніе Боже!)

Жители Дагестана несравненно трудолюбивѣе Чеченцевъ, слагающихъ трудныя работы на женщинъ и занимающихся лично или джигитовкою (наѣздничествомъ), или струганіемъ палочекъ, сидя на солнцѣ: здѣсь рѣдкій мужъ поручаетъ женѣ присмотрѣть за верховою лошадыю и чистку ея, какъ это всегда дѣлается у Чеченцевъ. Полевыя работы исполняются преимущественно мужчинами, и только въ жатвѣ хлѣба, полотьѣ и въ собираніи скошеннаго уже сѣна принимаютъ участіе женщины, на обязанности которыхъ лежитъ все управленіе домашнимъ хозяйствомъ, шитье платья для мужа и дѣтей, присмотрѣть за домашнимъ скотомъ, приготовленіе пищи, печеніе хлѣба и молотье пшеницы и кукурузы на мѣстныхъ водяныхъ мельницахъ, находящихся почти въ каждомъ селеніи. За смолку одной сабы зерна хозяинъ мельницы получаетъ сахъ (около гарнца) муки. Женщины вообще очень любятъ посѣщать мельницы. Онѣ съ утра отвѣвляють туда на арбѣ зерно, а сами, навьючившись рублеными дровами, съ запасомъ сухой пищи и сальной свѣчи, идутъ на мельницу,

гдѣ остаются всю ночь до слѣдующаго утра. Это наводитъ подозрѣніе, не служатъ ли имъ мельницы эти мѣстомъ любовныхъ свиданій.

Большая часть брачныхъ союзовъ бываетъ слѣдствіемъ знакомствъ, заводимыхъ на мельницѣ, въ полѣ, около саманниковъ и хармановъ (скирдовъ), или на улицѣ, именно въ то время, когда прекрасный полъ отправляется на рѣчку за водою, согнувшись подъ тяжестью мѣднаго или глинянаго кувшина (ахъалыхъ), вѣсомъ съ водою почти въ два пуда. Для облегченія спины, у каждой женщины имѣется войлочный коврикъ, подкладываемый подъ кувшинъ. Если вы, при встрѣчѣ заговорите, съ дѣвушкою, она въ первый разъ непременно разсердится и назоветъ васъ тонгузъ, въ другой разъ плюнетъ, въ третій покажетъ языкъ, а въ четвертый разъ, уступая настойчивости, слѣзается ручиѣ и надѣлитъ васъ любимымъ словечкомъ здѣшнихъ красавицъ: «эсси-гиръ» (шутливо-приятное ругательство). Послѣ этого процесса, если вы не воспользуетесь дальнѣйшими успѣхами волокитства, то въ томъ едва ли будетъ виновата встрѣченная вами красавица.

Жертвуя небольшимъ количествомъ денегъ, дая конфеты и разныя тряпки, вы смѣло можете надѣяться на счастливыя успѣхъ вашихъ любовныхъ начинаній съ горскими женщинами.

Въ Мехтулинскомъ ханствѣ только селеніе Дженгутай изобилуетъ женщинами-красавицами; въ другихъ селеніяхъ онѣ до того покрыты слоємъ грязи, что о ихъ красотѣ судить трудно. Въ Шамхальскомъ владѣніи селенія: Буглень, Казаниши, Губденъ и Гилли — разсадникъ красавицъ.

Странствующія сивиллы (памчи), вообще безообразныя старухи, имѣютъ большой доходъ отъ женщинъ, которыхъ, вполнѣ довѣряя ихъ бреднямъ, готовы отдать послѣднюю чайку муки за предсказаніе будущаго; впрочемъ, иногда эти гадалщицы дѣйствительно, довольно удачно предсказываютъ.

Костюмъ женщинъ средняго класса составляютъ: широкіе шальвары (ширина смотря по состоянію мужа или тароватости ностояльца), преимущественно изъ пунцовой матеріи, обшитыя внизу на полвершка бархатомъ съ золотыми цвѣточками (гюлмахмаръ). Шальвары эти носятъ на шелковомъ или нитяномъ очкурѣ, съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ, потому что очкуръ завязывается на четверть аршина ниже талии. Сверхъ шальваръ надѣта рубашка (гюйлекъ), изъ краснаго канауса, длиною до колѣнъ и ниже, съ необыкновенно широкими и длин-

ными рукавами, затѣмъ зимою архалукъ (астаръ) на ватѣ, изъ атласа или шелковой матеріи коричневаго цвѣта съ отливомъ, обшитыя по оконечностямъ широкими золотыми или серебряными галунами кавказскаго издѣлія, съ открытою скошенною грудью и съ обтяжными, застегивающимися на маленькія шелковыя пуговицы рукавами отъ локтя до кисти руки, имѣющими круглую оконечность, подбитую пунцовой матеріею, закрывающую пальцы; лѣтомъ—архалукъ ситцевый безъ ваты и галуновъ, называемый полиша. Оба архалука эти застегиваются спереди немного выше талии, на двѣ или три серебряныя подъ широкую запонки въ видѣ сердечекъ или на шелковыя пуговицы.

На голову надѣвается сшитый изъ чернаго ситца съ красными большими цвѣтами мѣшокъ (чутку), длиною въ аршинъ, шириною по величинѣ головы; въ него вкладываются волосы, сплетенные въ мелкія косички, и закидываются на спину; затѣмъ мѣшокъ, прикрывъ на полвершка лобъ, завязывается кругомъ головы ситцевыми же двумя лентами безъ банта; впереди ушей остаются локоны (самайляръ), обрѣзанные наравнѣ съ шеєю. Дѣвицы, кромѣ того, оставляютъ волосы спереди головы, обрѣзанные ровно вполовину лба. Украшеніе это называется «лепки».

Поверхъ головнаго убора накидывается большой платокъ, кисейный, шелковый или тюлевый, разныхъ цвѣтовъ; если тюлевый, то съ шелковою или золотою бахромою (тастаръ).

Обувь составляютъ: мелкія ботиночки безъ подошвъ, изъ краснаго или желтаго сафьяна, съ острыми носочками, обшитыя въ два ряда серебрянымъ галуномъ или всѣ шитыя серебромъ и золотомъ. Такія ботиночки называются мечиларъ. На эту обувь, не стѣсняющую ноги, въ замѣнъ калошъ, надѣваются внѣ комнаты башмаки, тоже шитые кантелью или кожаные; съ вздернутыми вверхъ острыми носками, на большихъ каблукахъ, съ желѣзными о двухъ шипахъ подковками. Длинными чулками снабжены только обрусѣлыя Татарки, а остальные носятъ чулки короткіе, шерстяные, съ узорами, на манеръ мужскихъ носковъ.

У женщинъ высшаго круга вся одежда дѣлается изъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ матерій, у простонародья болѣею частью изъ ситца (чуть), испещреннаго самыми крупными и яркими узорами, на манеръ нашего мебельнаго ситца. Старухи рассказываютъ, что прежде, до столкновенія съ Русскими, женщины одѣвались весьма неопрятно и бѣдно въ мирзачи и набойку; постоянно же квартировавшія въ ханствѣ войска, а болѣе регуляр-

ные офицеры Дагестанскаго коннаго полка, сбавшая ихъ съ своими правами, приучили и къ роскоши. Щегольство въ Дженгутаѣ до того развилось, что уже на женскія платья существуютъ моды. На одной изъ свадебъ можно было встрѣтить мусульманокъ съ зонтиками и въ варшавскихъ ботинкахъ! Самые закоренѣлые фанатики, увидя такое нарушение адата, сердито пачкали языками, поклялись голодомъ, но, видя свое бессиліе, остановились на поводе, по обычаю мусульманъ, сдавшись на капитуляцію, и черезъ день перестали говорить и думать о зонтикахъ и ботинкахъ.

Зимою женщины носятъ короткій нагольный полушубокъ изъ бѣлаго длиннаго шерстянаго курпая. Богатыя женщины носятъ такой же полушубокъ изъ лучшихъ меховъ, покрытый голубымъ или зеленымъ бархатомъ (махмаръ) или парчею. Старухи, кромѣ того, имѣютъ огромныя нагольныя шубы изъ бѣлаго же длиннаго курпая, съ рукавами, съуживающимися до земли. Эти шубы замѣняютъ имъ и одѣяло. Шуба вообще называется тогъ.

У женщинъ, принужденныхъ часто обмываться съ ногъ до головы водою, пять разъ въ сутки мыть лицо и руки для чистоты, по адату, никогда не вытираясь полотенцемъ или простынею, но обсушиваясь на солнцѣ или на воздухѣ, цвѣтъ лица дѣлается смуглымъ; о рукахъ же и говорить нечего: онѣ хуже, нежели у госпитальной прачки. Обстоятельство это очень портитъ красоту: онѣ мажутъ свои руки свѣчнымъ и курдючнымъ саломъ; но средства эти оказываются бесполезными. Въ каждомъ селеніи можно встрѣтить нѣсколько старухъ, доживающихъ свою жизнь въ согнутомъ въ видѣ прямаго треугольника положеніи. Должно полагать, что это есть слѣдствіе того, что онѣ въ молодости своей таскали на спинѣ большія тяжести. Когда у женщины болитъ спина, то она, лежа на ницѣ, проситъ ходить по ней ногами: поясница трещитъ подъ тяжестью и приноситъ облегченіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, удѣляютъ горскія женщины.

Любимымъ занятіемъ женщины есть жеваніе бѣлой смолы, называемой «сакивъ». Жвачка эта, причиняющая немало трудностейъ, очищаетъ зубы. Сакивъ передается женщинами другъ другу изо рта въ ротъ.

Бѣллы (оба) и румяны (нигилікъ) для Татарокъ весьма заманчивое косметическое снадобье. Онѣ приобретаютъ его у тор-

говцевъ-Евреевъ, съ готовностію заштукатуриться до безобразія. Въ настоящее время, мода эта исчезаетъ.

Огромныя, изъ серебряной проволоки кольца, съ круглымъ ажуръ-шарикомъ, замѣняютъ у простыхъ Татарокъ серьги; всѣ почти пальцы на рукахъ онѣ украшаютъ большими серебряными и медными перстнями съ сердоликомъ или малоцѣнными камнями. Балантерейныя украшенія эти онѣ предпочитаютъ изящнымъ золотымъ сережкамъ и кольцамъ нашихъ ювелировъ. Шубы нѣкоторыхъ дѣвушекъ обвязана или бусами изъ стеклярусовъ или нанизанной на шнурокъ ароматной гвоздикой. Кораллы (маржанъ) и жемчугъ у нихъ въ большомъ почетѣ.

Вооруженіе горцевъ и мужской костюмъ неоднократно уже были описаны. Костюмъ похожъ на черкесскій; но большая часть жителей ходитъ въ такихъ лохмотьяхъ, что характеръ ихъ одѣянія опредѣлить весьма затруднительно.

Зимою жители большею частію одѣты въ нагольные полушубки, безъ покрывки; носятъ еще шубы, изъ длиннаго курпая, бѣлаго или чернаго, ниже колѣнъ, съ капюшономъ, мѣломъ наверхъ. Шубы эти имѣютъ видъ салапа. Впрочемъ, онѣ употребляются преимущественно выходцами изъ Андалальскаго общества.

Къ числу забавныхъ обычаевъ мусульманъ можно причислить тогъ, что нукеръ (слуга), осѣдлавшій для своего господина коня, подводитъ его къ крыльцу, сидя самъ на немъ верхомъ, и вѣздитъ на этомъ бѣдномъ конѣ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, покуда господинъ не выйдетъ изъ комнаты, такъ что, въ случаѣ трехъ-часовой задержки въ гостяхъ его господина, лошадь дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, 15 верстъ лишней дороги. Если мусульманину высшаго круга нужно будетъ ѣхать верхомъ по своему селенію, то впереди его идетъ нукеръ, назначенный для принятія отъ него лошади и проѣзда на ней, бѣдной, еще нѣсколькихъ верстъ. Въ дальней дорогѣ нукеръ ѣдитъ впереди своего господина и везетъ на плечѣ господское ружье-винтовку.

Женщины изъ низшаго сословія большею частію характера легкаго; въ нихъ нѣтъ теплой души и привязанности ни къ родителямъ, ни къ мужу, ни къ дѣтямъ, ни даже къ любовнику; онѣ вообще очень небережливы, такъ что если вы одѣнете жену какъ куколку, въ самыя дорогія матеріи, она на другой день явится вся въ грязи и пятнахъ и, въ добавокъ, разсердится, если сдѣлать ей за это замѣчаніе. Воспитаніемъ дѣтей дѣвственія жен-

щины вовсе не занимаются: дѣти бѣгаютъ весь день по улицамъ безъ всякаго присмотра. Провинившагося ребенка мать обыкновенно наказываетъ ударомъ ладони или кулака по головѣ: но отъ этого ли наказанія мусульмане не могутъ похвалиться хорошою памятью? Грудныхъ дѣтей женщины носятъ за спиною, придерживая ихъ за ноги обѣими руками.

Укоренившійся обычай—надѣть новое платье, таскать его на себѣ до тѣхъ поръ, покуда отъ него останутся одни тряпки. Измѣнить этотъ обычай очень трудно. Отъ непривычки владѣть деньгами, женщины не понимаютъ ихъ цѣны; когда мнѣ случилось подарить молодой хозяйкѣ рубль или два, то можно было поручиться, что на другой день у ней не останется ни гроша: сосѣдки налетятъ на нее, какъ стая голодныхъ воронъ, и расхитятъ по частямъ весь капиталъ, за исключеніемъ какихъ нибудь 20 коп. (абазъ), употребленныхъ на покупку очищенныхъ зернушекъ отъ сливъ, изъ которыхъ составленную массую женщины мажутъ волосы.

Словесный выговоръ для женщины-мусульманки всегда имѣетъ силу гласа вопіющаго въ пустынь, и потому для нихъ самымъ лучшимъ руководствомъ и увѣщаніемъ служатъ нагайка и палка. Дѣлающій выговоръ женщинѣ за несбереженіе платья или денегъ получаетъ всегда одинъ отвѣтъ: «копѣ тарикъ, копѣ углу задѣ! тамагла!» и т. д., то есть: очень мнѣ нужно большая вещь! удивленіе!...

Въ обращеніи съ мужчинами здѣшнія женщины очень вольны и, однажды извѣдавъ запрещеннаго плода, легко увлекаются въ послѣдствіи. Жена никогда не ревнуетъ мужа; она, напротивъ, готова помочь мужу въ любовной интрижкѣ съ постороннею женщиною, и, конечно, не невѣрность мужей бываетъ причиною невѣрности женъ: тутъ причина другая, а именно корыстолюбие и страсть къ нарядамъ, которыхъ беречь не умѣютъ.

Молодые парни усвоили для передачи своихъ любовныхъ чувствъ женщинамъ мимическій разговоръ: обведеніе нѣсколькихъ разъ указательнымъ пальцемъ правой руки значить: «иди сюда или бѣги ко мнѣ»; прищуриваніе лѣваго глаза означаетъ: «я тебя обожаю, а ударъ слегка въ лѣвую сторону груди служитъ изъясненіемъ желанія прижать къ сердцу красавицу...»

Женщины, при разговорѣ съ мужчинами, къ которымъ онѣ равнодушны (хотя и втайнѣ), употребляютъ слова-фразы усвоенныя только въ женскихъ разговорахъ. Онѣ въ переводѣ

означаютъ брань, но имѣютъ смыслъ короткости, выражающей расположение.

Къ числу угоръ любезныхъ казалеровъ съ женщинами относится сломаніе душики (чалмакъ), при чемъ происходитъ взаимная передача спорыша: орѣха, сливы или какой нибудь вещицы, или процентъ (асламъ). Получившая подобное приношеніе женщина должна сдѣлать казалеру: кисеть, кубуръ для пистолета или другое какое нибудь рукодѣлье, за которое вѣжливый казалеръ отплачиваетъ подаркомъ, соответствующимъ степени своего расположенія къ дамѣ.

Простая женщина такъ же мало стѣсняется въ присутствіи мужчины, какъ въ присутствіи другой женщины.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, общество, составленное изъ муллъ и стариковъ (ахсакаловъ), строго судило и наказывало женщинъ, попадавшихъ въ проступкахъ: за воровство имъ рубили кисти правой руки, а за развратъ сажали на эшака лицомъ къ хвосту, возили по улицамъ, плевали, бросали грязью на преступницъ и даже закидывали ихъ камнями; теперь же, когда нравы смягчились, смягчилась и строгость судей: если случится увлечь женщину въ преступной связи съ мужчиною, то только, для соблюденія стариннаго обычая, поднимутъ шумъ, крикъ, тревогу, окружатъ домъ соблазнителя, будутъ грозить кинжалами и даже сдѣлаютъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, но вся эта комедія имѣетъ цѣлью запугать сообщника для того, чтобы получить отъ него денежный выкупъ или угошеніе. Если отъ родителей убѣжить дочь къ избранному сердцемъ, то они стараются только о томъ, какъ бы больше станичь съ того, кто далъ ей у себя пристанище. Я былъ свидѣтелемъ, какъ къ одному мнѣ хорошо знакомому русскому офицеру бѣжала дѣвочка лѣтъ пятнадцати. По обычаю мусульманъ, счастливецъ долженъ принять прибѣжавшую и, подъ опасеніемъ безчестія, защитить ее отъ преслѣдованія. Хотя моимъ знакомымъ предосторожности были приняты, но братья-красавицы-бѣгляночки ухитрились вечеромъ похитить ее назадъ, не потому, что они не желали сблизиться родствомъ съ русскимъ офицеромъ, но собственно для того, чтобы имѣть предлогъ потребовать отъ него позначительнѣе сумму за оболъщеніе. Нашъ герой былъ непромахъ и, хорошо понимая характеръ и обычаи мусульманъ, ни словомъ, ни дѣломъ не обратился къ хитрецамъ съ просьбою о дозволеніи совершить по алату

Бракъ съ ихъ сестрою. Удивленные такимъ равнодушіемъ, они стали подсылать къ офицеру женщинъ, будто бы отъ дѣвушки которая давала знать, «что братья держатъ ее въ кандалахъ и собираются убить, если любовникъ не отдастъ братьевъ деньги и не сдѣлаетъ свадьбы съ угощеніемъ». Въ эти встрѣчи одинъ отвѣтъ: братья могутъ поступить съ сестрою, какъ имъ угодно, и, только отдавъ ее добровольно, безъ изноровковъ, могутъ надѣяться на деликатность шурина въ отношеніи своихъ выгодъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что дѣвушка была возвращена къ своему избранному, а братья стали надобдаться ему обычными попрошайствомъ то того, то другаго, до тѣхъ поръ, покада не были отдалены довольно безцеременно на благородную отъ новой родни дистанцію.

Большая часть родителей съ готовностію выдаютъ дочерей за русскихъ офицеровъ, лишь бы только ими съ точностію былъ исполненъ свадебный обрядъ. Женщины эти пользуются въ народѣ такимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ ихъ мужъ, хотя онъ и не мусульманинъ. Подобныя связи бывають самымъ лучшимъ двигателемъ прогресса и цивилизаціи.

Вообще брачные союзы совершаются большею частію между роднею, такъ что обыкновенно двоюродный братъ женится на двоюродной сестрѣ. Помолвка дѣлается съ младенчества. Женихъ и невѣста носятъ названіе: гѣлѣшмышъ. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ нерѣдко выдается замужъ; вѣроятно, отъ этого онѣ очень скоро старѣются. Молодую жену долгое время называютъ гѣлинъ — невѣста.

Брачныя условія (кибинъ), родъ свадебныхъ контрактовъ, заключаются муллою въ присутствіи родителей новобрачныхъ и свидѣтелей. Невѣста приноситъ въ приданое, кромѣ своей одежды, нѣсколько постелей, а иногда и мѣдную посуду. Въ условіи оговаривается, что если бы мужъ захотѣлъ развестись съ женою, то долженъ заплатить ей условленную разводную сумму — кибинъ-какъ, по шариату. Впрочемъ, мужъ, при разводѣ, обязанъ снабдить жену одною четвертою частію всего своего достоянія. Въ случаѣ, если причиною развода бываетъ жена, то родители ея обязаны вернуть мужу всю сумму, издержанную имъ на свадьбу, и все платье, которое было имъ сдано. Если жена, безъ согласія и основательной причины, объявляющей мужа, желаетъ съ нимъ развода, то, по постановленіямъ шариата, она должна отрѣзать съ головы четыре косы, выйти изъ дому бѣ-

сикомъ, въ одной только рубашкѣ и оставить все свое приданое покидаемому мужу. Установленіе это даетъ въ домашнемъ быту большой переѣздъ мужчинъ передъ женщиною: многіе мужья нарочно мучатъ своихъ женъ, съ цѣлю завладѣть ихъ приданымъ. Прижитыя дѣти остаются большею частію при отцѣ. Впрочемъ, это зависитъ отъ обоюднаго согласія разводящихся; но въ такомъ случаѣ, если дитя оставлено при матери, то прежній мужъ платитъ ей за содержаніе дитяти. Хотя шариатъ дозволяетъ каждому мусульманину имѣть только четырехъ женъ, но нѣкоторые изъ нихъ женятся въ свою жизнь на 12 женахъ. Состоятельный Татаринокъ можетъ содержать вдругъ нѣсколько женъ. Первая изъ нихъ считается старшею, и въ рукахъ ея бываетъ полное распоряженіе домою. Разводы сопровождаются всегда ссорами, по случаю невозвращенія какойнибудь тряпки, деревянной ложки, или кибинъ-хака. Ссоры эти рѣшаются судомъ по шариату.

Церемоніаль свадьбы (той) въ высшемъ кругу мусульманъ сдѣлающей. За нѣсколько дней до обряда, главный распорядитель рассылаетъ во всѣ стороны, отъ имени жениха, приглашительныя письма ко всѣмъ почетнымъ лицамъ, безъ различія сословія. Посланный долженъ сдѣлать словесный намекъ, что удостоенному не мѣшаетъ привезти съ собою столько-то денегъ или какойнибудь подарокъ (пешкешъ) вещами или продуктами, для новобрачныхъ. Отъ невѣсты летятъ подобныя же посланія къ знакомымъ ея круга. Приглашенные морщатся, проклинаютъ въ души и свадьбу и обычай, но все-таки, подъ опасеніемъ за отказъ опалы, являются по зову, и не безъ прилагательнаго, конечно. Купцы, духанщики и даже Евреи не бывають изъяты отъ приглашенія: они народъ зажиточный и могутъ привезти съ собой приличныя подарки.

Въ числѣ почетныхъ гостей, занимають первое мѣсто русскіе офицеры и чиновники, приглашенные черезъ особо отправленныхъ къ нимъ нарочнымъ. Прожившій нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ и знающій обычай мусульманъ, само собою разумѣется, привезетъ въ подарокъ невѣстѣ какуюнибудь галантерейную вещь.

Въ опредѣленный день выѣзда невѣсты отъ родителей въ домъ жениха, вся приглашенная публика собирается къ нему на дворъ. Мужчины, женщины и дѣти обоего пола занимають мѣста вокругъ стоевня. Опасность угрожаетъ крышамъ и заборами. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ визгливо гремятъ зурны, съ аком-

паниментомъ барабановъ; тамъ и сямъ раздаются пѣсни женщинъ, съ припѣвомъ: «анайдасы! ананай!» Партия за партией, является на сцену прекрасный полъ, съ пѣснями, прославляющими жениха и невесту, идя гуськомъ, съ поднятыми вверхъ руками, закрытыми длинными и широкими рукавами рубашекъ. Дойдя до опредѣленнаго имъ мѣста, онѣ посылъ тура лезгинки, подъ оглушительный звукъ (персъ) ударовъ въ ладоши, ожидаютъ дальнѣйшаго церемоніала. Когда поѣздъ невесты готовъ выступить изъ дома ея родителей въ дорогу, два, три наѣздника, на лихихъ скакунахъ, вызываются доставить жениху, изъ числа постели, принадлежащей къ приданому невесты, одинъ мутакъ (круглая подушка), служащій предвѣстникомъ, что невеста уже въ дорогѣ. Распорядитель объявляетъ торжественно и всенародно, что наѣздникъ, доставившій мутакъ этотъ, будетъ щедро награжденъ деньгами и получить въ подарокъ великолѣпнаго жеребца; но обѣщаніе это иногда кончается тѣмъ, что скакавшій сломя голову вѣстникъ измучить свою собственную лошадь, а въ подарокъ получить или какую нибудь клячу, стоящую 15 рублей, или же стараго негоднаго быка.

Собранные подарки и запасы продуктовъ поступаютъ въ кладовыя жениха; къ свадебному пиру готовятся кушанья, въ томъ числѣ и для низшаго класса, но въ такомъ количествѣ, чтобы они не отягощали желудковъ и не слѣлами угощаемыхъ неспособными для предстоящихъ танцевъ. Спиртъ до того разводится водою, что жидкость эта развѣ только въ насмѣшку можетъ быть названа водкою. Когда поѣздъ, сопровождающій невесту, показется на дорогѣ, вся публика, съ пѣснями, музыкою и пальбою изъ ружей и вистолетовъ, встрѣчаетъ невесту, при вѣздѣ въ селеніе, и такимъ порядкомъ сопровождаетъ ее въ домъ жениха. Новобрачная, какого высокаго происхожденія она бы ни была, ѣдетъ въ арбѣ съ круглою, покрытою богатымъ ковромъ будкою, на быкахъ, потому что ѣхать въ экипажѣ нѣтъ обычая. За головою арбою тянется, при богатой свадьбѣ, аробъ сто съ приданымъ, которое легко можно бы было уложить на тридцати арбахъ. Искусный распорядитель со стороны невесты, для эффекта, старается уложить всѣ арбы вещами такъ, что на одной везется подушка, на другой сундукъ, на третьей тюфякъ и т. д. Въ аррьергардѣ поѣзда слѣдуетъ, на салазкахъ, запряженныхъ шестью быками, огромный сундукъ, играющій роль кладовой, набитой будто бы серебромъ и золотомъ.

Невѣсту, всю закутанную въ прозрачное газовое покрывало, принимаютъ, съ трудомъ вытаскивая изъ небольшого отверстія позади арбы, мать и сестры жениха и отводятъ въ особо приготовленную комнату, раздѣленную пополамъ шелковою занавѣсою. Она исчезаетъ тамъ отъ глазъ публики на три дня. Приемъ невесты представляетъ очень живописную картину: всѣ молодыя дѣвушки, окружая арбу приѣзжей, стоятъ съ милою улыбкою на устахъ и съ поднятыми вверхъ руками до тѣхъ поръ, пока невеста не вступитъ въ домъ счастливецъ-жениха.

По мѣрѣ прибытія арбы, вещи спосаются въ особый отдѣлъ комнаты; переносящіе сундуки нукеры (слуги) притворно гнутъ ся подъ ними, представляя, что они очень тяжелы. Чернь смотритъ жадными глазами на эти богатства и изъявляетъ громко свое удивленіе словами: «тобе! тебе! тебе!»

Во всѣ три дня, которые продолжается свадебный пиръ, невеста обязана съ закрытымъ лицомъ стоять за занавѣскою въ уголку назначеннаго ей адатомъ пространства. При поднятіи портьеры, на первомъ планѣ вы увидите сидящаго на полу, со сложенными подъ низъ ногами, кадія, съ бумагою и камышевымъ перомъ въ рукахъ; около него лежатъ чернильница (шакы-калямъ) и адликъ или же мѣдный подносъ (меджмаги). Начинается поздравленіе невесты: приглашенный сначала подходитъ къ кадію и, не сгибаясь, бросаетъ на подносъ опредѣленное въ подарокъ число монетъ (обыкновенно, рублей серебромъ); для большей же важности, онъ ихъ бросаетъ сильно и каждый звукъ монеты сопровождается счетомъ: биръ, эки, ючь, то есть: одинъ, два, три и. т. д. (отъ 10 до 300 руб.). Мулла чинно записываетъ первую статью прихода. Отсчитавъ деньги, даящій подходитъ къ невестѣ съ поздравленіемъ, при чемъ она должна слегка обнять его въ поясъ лѣвою рукою. Исполнившій этотъ церемоніаль, конечно, приобрѣтаетъ право, смотря по значительности подарка, на маленькую долю гордости и потому, величественнымъ взглядомъ окинувъ собраніе, важно выступаетъ изъ приемной залы, замѣняемый другимъ подходящимъ, въ свою очередь, посѣтителемъ. Собранные такимъ порядкомъ деньги поступаютъ въ собственность невесты. Прежде прибытія къ новобрачной перваго посѣтителя, является къ ней одинъ изъ родныхъ или приближенныхъ жениха. Онъ даритъ ей деньги, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она приподняла съ лица покрывало и не опускала бы уже его во все время предстоящихъ посѣщеній.

Около зурначи и барабаника толпится народъ, всегда любящій потанцовать. Для танцевъ выступаютъ поочередно мужчина и женщина. Въ то время, когда танецъ въ самомъ разгарѣ и танцующіе начинаютъ выдѣлывать самыя танцевныя па лезгинки, зурна и барабанъ вдругъ перестаютъ играть. Въ первый разъ при такой остановкѣ долженъ бросить въ дырочку, продѣланную въ боку барабана, монету (по состоянію) мужчина, въ другой разъ—женщина. Подобной участи подлежатъ все танцующія пары, и музыканты, обыкновенно, бывають щедро награждены. Въ послѣдній день свадьбы, около музыкантовъ, садится назначенный распорядителемъ мулла и разстилаетъ около себя платокъ. Искусный распорядитель свадьбы заставляетъ танцовать всѣхъ безъ исключенія гостей, зурна отрывисто останавливается, и танцующій обязанъ бросить на платокъ деньги, которыя, составивъ довольно значительную сумму, поступаютъ въ распоряженіе новобрачныхъ.

Подвластные, въ присутствіи своихъ хановъ, танцуютъ безъ папахъ, съ открытою головою; распорядитель же и эмджеки, во весь періодъ свадьбы, кромѣ того, остаются въ однихъ архалукахъ и нижнемъ платьѣ. Если для танца выйдетъ кто нибудь изъ ханскаго семейства, то все присутствующіе мусульмане должны снять папахи, бить усердно въ ладоши—«херсъ», а нѣкоторые—стрѣлять изъ пистолетовъ въ землю или на воздухъ и кричать «ура».

Для увеселенія публики, на свадьбѣ есть шуточный король (паджа): онъ, кромѣ разныхъ остротъ, довольно грубыхъ и неприличныхъ, придирается ко всемъ гостямъ, приказываетъ ихъ встать и не освобождаетъ до тѣхъ пръ, пока мнимо провинившіяся не представятъ королю денежнаго выкупа. Въ числѣ придворныхъ короля, есть сокольничій: у него на рукѣ, вмѣсто овода, пѣтухъ. Сокольничій безпощадно бросаетъ пѣтуха на голову гостей, и за эту честь, угрожающую оцарапаніемъ, нужно также дать денегъ! Въ заключеніе, женщины (обыкновенно хорошенкыя, изъ придворныхъ служанокъ хана) поютъ похвалныя пѣсни, и чье имя будетъ упомянуто въ пѣсняхъ этихъ, тотъ изъ вѣжливости, долженъ дать пѣвицамъ денегъ.

Въ теченіе трехъ сутокъ, женихъ не видитъ невесты и ходитъ къ ней только въ полночь. По истеченіи получаса перваго посещения жениха къ невестѣ, караулъ, поставленный у окна спальни, открываетъ пальбу изъ ружей, хотя бы даже визитъ этотъ былъ и

неудаченъ, какъ это весьма часто случается съ мусульманами... Подобная неудача, вѣроятно, для того, чтобы она не компрометировала жениха, приписывается обыкновенно сглазу (баглады). Четыре ночи сряду въ спальнѣ новобрачныхъ горитъ страшной толщиной восковая свѣча (шамъ), съ узорами изъ малярнаго золота, стоящая 25 р. сер. и привезенная кѣмъ нибудь изъ гостей въ подарокъ.

Въ четвертый день свадьбы, изъ дома жениха гости разъѣзжаются голодные, усталые и съ пустыми карманами. Довольными обстановкою свадьбы остаются только русскіе посѣтители, имѣвшие въ теченіе этихъ трехъ дней достаточно пищи и пользовавшиеся особенною предупредительностію и милымъ пріемомъ хозяевъ. Для русскихъ гостей готовятся особо столы и европейское угощеніе, съ изобильнымъ запасомъ шампанскаго для провозглашенія тостовъ за здоровье жениха и невесты, ихъ родителей и болѣе значительныхъ гостей. Тосты эти сопровождаются громкими «ура» присутствующей черни.

Въ минуту прощанія, распорядитель останавливаетъ гостей, вслѣдъ за чѣмъ входятъ (опять согнутые будто бы подъ тяжестію) нуверы, неся подносы, на которыхъ поставлены: двѣ, три головки сахару, мѣшокъ съ деньгами невесты, брильянты, ящикъ съ изюмомъ и конфектами, и на другомъ подносѣ—множество вышитыхъ золотомъ и серебромъ по бархагу, сафьяну и шелку кисетовъ, вантроташей, чехловъ на пистолеты, кушачковъ изъ парчи (зарбабъ) и другихъ мелочей. Сахаръ, впоследствии поколотый на кусочки, изюмъ и конфекты раздаются женщинамъ, кисеты и прочія бездѣлки—тѣмъ, кто обдарялъ невесту, а тѣхъ изъ гостей, подарки которыхъ были значительнѣе другихъ, распорядитель обязываетъ кушачками и торжественно велеть откланиваться новобрачнымъ и ихъ родителямъ.

Весь свадебный церемональ, съ приготовленіями, приглашеніями и поздравленіями, продолжается десять дней.

Нѣкоторые прогрессисты изъ важнѣйшихъ лицъ мусульманскаго населенія, изъ желанія, хотя отчасти подражать русскимъ обычаямъ, при свадьбахъ своихъ, избираютъ посаженнымъ отцомъ одного изъ числа близко имъ знакомыхъ русскихъ офицеровъ. Обязанность посаженнаго отца—встрѣтить невесту. Онъ дѣлаетъ ей довольно цѣнный подарокъ и, въ замѣтъ, получаетъ отличнаго жеребца.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, скажемъ кстати нѣсколько словъ объ обрядахъ, сопровождающихъ родины. Родильница въ знатнаго рода, за четыре дня до приближенія родовъ, помѣщается въ особой комнатѣ. Въ комнатѣ этой запираются ставни, зажигаются по четыремъ угламъ свѣчи, а въ серединѣ вставляется въ кадку, наполненную сарачинскою крупю, та огромная восковая свѣча, которая горѣла въ спальнѣ родильницы въ первую четверть ночи послѣ ея брака. Доступъ дѣвцамъ и женщинамъ, которыхъ застигла обыкновенная періодическая болѣзнь, въ комнату эту запрещенъ. Когда родильница благополучно разрѣшится отъ бремени, залпъ винтовокъ и шумная пѣсня женщинъ, караулившихъ подъ окошками, возвѣщаютъ публику объ этомъ счастливомъ событіи. Женщины, значительными партіями, съ руками, поднятыми вверхъ крестообразно, и съ пѣснями, ходятъ по улицамъ, изъявляя свою радость. Со всѣхъ сторонъ стекаются посѣтители съ поздравленіями и подарками для родильницы. Подарки эти поступаютъ частію въ пользу нищихъ (садага). Послѣ родовъ, сейчасъ же ставится на крышѣ той комнаты, гдѣ помѣщается родильница, палатка съ флюгеромъ: въ ней, по адату, 40 дней должны содержаться караулъ эмджеки; но это продолжается только 20 дней. Обычай этотъ учрежденъ съ того времени, какъ нѣкогда злонамѣренные люди бросили въ трубу мѣшокъ пороха, уничтожившій и родильницу и новорожденного младенца. Для удовлетворенія своей мести, мусульмане иногда прибѣгаютъ къ силѣ пороха.

Повивальная бабка (энечи) получаетъ 100 р. с. и множество подарковъ. Въ мамки (дегизе) для мальчика избираются женщины, которыя имѣютъ дочь, а для дѣвушки — которыя имѣютъ сына. Дѣти эти называются сють-эмджеки, молочные братья или сестры, и пользуются особенными привилегіями и авторитетомъ въ ханскомъ дворцѣ, когда кормилицы назначаются и ханскимъ дѣтямъ. Въ самую минуту родовъ, когда они бываютъ трудныя, приближенные люди и родственники жертвуютъ деньги. Деньги эти три раза обносятся кругомъ головы родильницы и тутъ же раздаются нищимъ, которые обязаны молить Бога благополучномъ исходѣ родовъ. Если новорожденного посѣтитъ христіанинъ, то отъ него требуютъ сюну, которою тотчасъ мажутъ голову младенца, для предохраненія отъ глаза.

Въ день родовъ, рассылаются ко всѣмъ знакомымъ нуры съ суюнчу—радостною вѣстію, о рожденіи младенца-хана. Доста-

вившему въстать эту нукеру адать велить дать приличный денежный подарокъ. При приближеніи родовъ, мужъ выходитъ изъ своего дома на улицу; послѣ рожденія сына, онъ живетъ въ особой отъ жены комнатѣ мѣсяцъ, а послѣ рожденія дочери—40 дней. Приходящіе посѣтители поздравляютъ мужа и родителей родильницы словами: «Уланынъ кутлу болсунъ!» или «кызъ кутлу болсунъ!» поздравляю съ сыномъ или дочерью, на что получаютъ отвѣтъ: «саоль!» спасибо! Каждый прѣзжающій мужчине является на дворъ новорожденного съ ружейною пальбою. Если новорожденный мальчикъ, то родственники и близкіе знакомые приносятъ ему въ подарокъ разное оружіе.

Въ старину мусульманки содержались мужьями въ затворничествѣ и ревнивой строгости. Чтобы смягчить свое положеніе и имѣть предлогъ для выхода со двора, какъ полагать можно, онѣ усвоили обычай, принятый за священную обязанность: посѣщать, въ теченіе нѣсколькихъ дней, похороны, навѣщать больныхъ, поздравлять съ рожденіемъ дѣтей и, по приглашенію, присутствовать на свадьбахъ. При подобныхъ случаяхъ, женщины одѣваются въ лучшее платье, исключая похоронъ (яессъ), гдѣ они должны имѣть бѣлыя рубашки и платки изъ каленкора, а для вящаго изъясненія скорби по усопшемъ платки и рубашки эти должны быть нѣсколько грязныя.

Прибывшій на похороны прекрасный полъ оглашаетъ воздухъ протяжнымъ нараспѣвъ повтореніемъ словъ: гуа! гуа! (увы! увь! huja! huja), бьетъ себя ладонями по лицу и обнаженной груди. Нѣкоторыя дѣлаютъ это до опухоли. Ближайшія родственницы, съ растрепанными волосами и спущенною до пояса рубашкою или же одѣтыя въ кули съ прорѣзанными для головы и рукъ отверстиями, колотятъ себя пуще другихъ и съ плачемъ импровизируютъ пѣсню, восхваляющую достоинство усопшаго. По адату, жена на похоронахъ мужа должна отрѣзать съ головы всѣ косы и перевязать ими талию и руки; но обрядъ этотъ нынѣ вовсе уже вывелся изъ употребленія.

Возвратившіяся съ похоронъ женщины рассказываютъ свои впечатлѣнія, изъявляютъ сожалѣніе по усопшемъ и обыкновенно заключаютъ свою рѣчь словами: «индже ару гилъи!» какъ красиво такая-то плачетъ!

Мужчины на похоронахъ не плачутъ; но родственники и близкіе къ покойнику прорѣзываютъ кремнемъ на лбу, параллельно къ носу, рану, изъ которой струится кровь. Они или

молчаливо стоять, ударяя себя кулакомъ по ранѣ, или повторяютъ слова «гуя! гуя!» Обычай этотъ, носящій отпечатокъ дикости, гуль повторяемыхъ восклицаній: «гуя! гуя! вау! вау! шау! шау!» плачевная пѣсня родственницъ и наконецъ глухой стукъ удара въ лицо и въ грудь производятъ на зрителя самое неприятное впечатлѣніе.

Умершаго, обмывъ и завернувъ въ бѣлый изъ каденкора саванъ (гѣбина), хоронятъ въ день смерти; до кладбища покойника провожаютъ мужчины; на свѣжей могилѣ становится платка, или навѣсъ, въ которой мулла нѣсколько дней отпѣваетъ усопшаго. Покойника кладутъ, со сложенными на груди руками, на правый бокъ, вплоть къ стѣнкѣ вырытой могилы, закладывая доски, образующими трехугольникъ, и наконецъ засыпаютъ землею. Могилы украшаются надгробными камнями съ надписями, вышиною отъ поверхности земли въ 3 и шириною въ 1 аршинъ. На камняхъ этихъ, кромѣ имени умершаго и краткой молитвы изъ корана, вырѣзаны довольно грубо ястребъ и оружіе; надъ могилами убитыхъ на войнѣ ставятъ небольшіе флюгера.

Поминки или сборъ посѣтителей въ домъ усопшаго, для окончательнаго исполненія вышеописанныхъ обрядовъ, продолжаются нѣсколько дней сряду. Вновь пришедшій на похороны долженъ подойти къ каждому родственнику усопшаго и сказать: «Узу еахъ болсунъ!» самъ будь здоровъ! «Артыхъ хейръ болсунъ! да будетъ тебѣ во всемъ больше прибыли! Въ ознаменованіе траура, женщины, надѣвъ бѣлые платки и рубашки, остаются въ нихъ безъ мытья и перемѣны цѣлый годъ; мужчины, въ теченіе того же времени, бороды не брѣютъ.

Проживши въ Дженгутаѣ болѣе шести лѣтъ и, несмотря на различіе религіи, раздѣляя съ семействомъ мехтулинскаго хана, которое постоянно удостоивало меня своимъ почти родственнымъ вниманіемъ, всѣ радости и увеселенія, мнѣ, къ сожалѣнію, въ самую минуту перемѣны службы и жительства, пришлось присутствовать при грустной церемоніи похоронъ умершаго сына мехтулинскаго хана, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества Ибрагимъ-хана. Хотя скорбь близкихъ людей стѣснила мнѣ сердце, хотя я не могъ равнодушно смотрѣть на общую грусть, но, при всемъ томъ, я прослѣдилъ всю церемонію, нѣсколько словъ о которой послужить дополненіемъ приведеннаго мною описанія похоронъ.

Первое появленіе посѣтителей на похоронахъ подробно объяснено мною выше; слѣдуетъ только прибавить, что приближенные мужчины надѣваютъ навыворотъ шубы и папахи, а женщины остаются босикомъ, въ шальварахъ, бѣлой сорочкѣ, имѣя на головѣ большой бѣлый же платокъ, безъ чулки, съ распущенными кругомъ волосами.

Покойника (суэкъ), одѣтаго въ саванъ и совсѣмъ закрытаго богато парчею, выносятъ на кладбище или на носилкахъ въ видѣ вѣстницы, или на большой подушкѣ (назверишъ). Этотъ послѣдній долгъ усопшему исполняютъ родственники или же люди приближенные. Всѣ наличные мужчины (женщинамъ не позволено быть ни въ мечетяхъ, ни на кладбищѣ) сопровождаютъ печальную процессію въ глубокомъ молчаніи, которое строго соблюдается и на самомъ кладбищѣ и придаетъ обряду характеръ религіозной торжественности.

По прибытіи на кладбище, покойника кладутъ въ десяти шагахъ влѣво отъ могилы. Мулы и хадіи (послѣднее имя носятъ мусульмане, бывшіе на поклоненіи въ Меккѣ) становятся въ полукругъ справа, и старшій мулла читаетъ нарастающе въ полголоса отходную молитву, называемую сынажа-намазъ, изрѣдка говоря громко: «Аллахъ акперъ!» Богъ великъ! слова, которыя повторяютъ всѣ участвующіе въ службѣ мoulлы. По прочтеніи отходной молитвы, покойника несутъ къ могилѣ и опускаютъ на дно, наблюдая, чтобы усопшій лежалъ лицомъ къ югу, головой къ западу и ногами къ востоку.

Когда могила засыпается землею и становится въ головѣ ея памятникъ (сынъ), мoulлы, сидя въ кружокъ на колѣняхъ, поютъ: ясынъ, затѣмъ старшій мулла приступаетъ къ чтенію молитвы, называемой таакымъ, для освященія воды, принесенной на кладбище въ мѣдномъ кувшинѣ, обвязанномъ шелковымъ платкомъ; освященною водою мулла обливаетъ могилу вдоль, какъ бы исполняя тѣмъ очистительный обрядъ.

Надъ покойникомъ-младенцемъ обрядъ этотъ не исполняется, потому что младенецъ до пятнадцатилѣтняго возраста считается существомъ безгрѣшнымъ. Платокъ, которымъ былъ обвязанъ кувшинъ, поступаетъ въ пользу мoulлы. Послѣ произнесенія главнымъ исполнителемъ обряда слова «патиха!» присутствующіе уходятъ къ дому покойника и, приблизившись къ воротамъ, начинаютъ громкія рыданія.

По смерти взрослого члена ханской крови, соблюдается трауръ 40 дней, а послѣ не достигшаго 7 лѣтъ—меньшее число дней. Въ теченіе всего траура, въ числѣ прочихъ обычаевъ, существуетъ обыкновеніе, что никто изъ жителей не долженъ ѣхать черезъ селеніе, въ которомъ умеръ ханъ, верхомъ, а непременно обязанъ спѣшиться. Старшій послѣ младшаго траура не носить и остается во время похоронъ въ своемъ всадничьемъ костюмѣ; жены послѣ мужей, сестры послѣ братьевъ, а также мать послѣ смерти своего дитяти бываютъ въ траурѣ. Въ время похоронъ, отцу, потерявшему сына, плакать считается неприличнымъ, и потому отцы, обыкновенно, до окончанія первоначальныхъ распоряженій и во время выноса тѣла уходятъ изъ своего дома въ домъ эмджека. Въ прежнее время, всѣ адаты предписанныя для похоронъ, соблюдались очень строго: никто не смѣлъ явиться въ домъ усопшаго безъ разрѣзаннаго кременя лба, безъ надѣтой навыворотъ шубы и проч.; теперь же сами ханы воспрещаютъ истязанія всякаго рода, введенныя жестокимъ обычаемъ, и вообще смягчаютъ многія странныя и отзываются грубостію нравовъ обыкновенія.

Въ первый день похоронъ, принадлежавшую покойнику значительной фамиліи верховую лошадь водить по двору, держа ее под уздцы, наследникъ умершаго или старшій въ родѣ; ее преследуютъ ударами женщины, оглашая воздухъ криками и рыданіями. Послѣ церемоніи этой, у лошади слегка обрѣзаются кончики ушей, и она поступаетъ въ подарокъ эмджеку (молочному брату).

Какъ бы ни велика была горестъ, старики не изъявляютъ ее громкими рыданіями и крикомъ; они болѣе скорбѣютъ душевно, считая обычные возгласы: гуя! гуя! (hija! hija!) вай! вай! богоульствомъ.

Собравшіеся на дворѣ усопшаго мужчины и женщины раздѣляются на двѣ партіи, и каждая особо становится въ одну шеренгу. Тутъ начинается плачевная пѣсня, при которой женщины ударяютъ себя въ лицо и грудь, а мужчины—въ прорѣзанныя плечу раны. Первоначально тоненькими голосами, поютъ женщины: hija! hija! что значитъ нѣтъ Бога! нѣтъ Бога! пмъ отъчаютъ гробовымъ голосомъ мужчины: вай! вай! и у меня нѣтъ и у меня нѣтъ! Одни и тѣ же возгласы повторяются нѣсколько часовъ въ сутки. Уйти ранѣе окончанія этой церемоніи считается непозволительнымъ.

Въ заключеніе похоронъ, нѣкоторые справляютъ поминки, угощеніе посѣдителямъ, называемое элюу-ашъ, для чего рѣжутъ нѣсколько барановъ, барановъ, дѣлается пловъ и проч.

Несмотря на трауръ, ни на опорченія, причиняемые почетливыми мѣрами мужа-тирана, женщины-франтихи не забываютъ объ украшеніи себя. По странности вкуса, онѣ преимущественно красятъ брови и волосы на головѣ въ темно-каштановый или рыжій цвѣтъ, для чего на Кавказѣ и въ Персіи употребляютъ краски въ порошокъ, называемыя: хна, производящая ярко-красный, и ренгъ—черный цвѣтъ; смѣшанная хна съ ренгомъ даетъ каштановый. Сѣдые волосы не принимаютъ черной краски, если ихъ не сдѣлать прежде красными хною. Краски удерживаютъ свой цвѣтъ на волосахъ около мѣсяца, до отращенія новыхъ волосъ.

Изъ хны и ренги составляется масса, подобная лучшему клею; при этомъ вмѣсто воды употребляется кислое молоко или уксусъ. Приготовленную клейкою массою обмазываются волосы, потомъ обкладываются древесными свѣжими листьями, а за неимѣніемъ ихъ бумагою, и завязываются платкомъ. Въ такомъ положеніи нужно оставаться нѣсколько часовъ или всю ночь. Затѣмъ, вымывъ волосы теплою водою, вы найдете ихъ черными, красными или каштановыми. Вообще окраска волосъ—операція очень хлопотливая и неприятная; легче всего производить ее въ банѣ, оставаясь въ ней часа на два или на три. Муллы или кадди и старики красятъ обыкновенно бороды хною безъ примѣси въ ярко-рыжій цвѣтъ. Но самая трудная и чувствительная, какъ подгадать должно, операція для женщинъ—очищеніе всего лица и вообще тѣла отъ волосистаго пуха, который вырывается посредствомъ крѣпко скрученныхъ двухъ шелковинокъ, подобно тому, какъ на суконныхъ фабрикахъ сбиваютъ шерсть съ сукна. Въ селеніяхъ есть женщины, преимущественно занимающіяся этимъ прибыльнымъ для нихъ промысломъ. Волосы подлиннѣе, какъ-то: шодъ мышками и проч., вырываются вмѣстѣ съ наклеенною на нихъ размягченною смолою (сакисъ)!... Брови у молодыхъ женщинъ въ постоянной передѣлкѣ: онѣ ихъ то красятъ, то подравниваютъ, выщипывая лишніе волосы маленькими щипчиками. Если вы увидите у женщины черныя какъ смоль рѣсницы, то можно поручиться, что онѣ приобрѣли этотъ цвѣтъ посредствомъ чернаго вещества, называемаго сурмою.

Шитьемъ мужскаго и женскаго платья вообще занимаются преимущественно женщины, и изъ нихъ есть отличныя мастерицы. Если вы дадите женщицѣ шить чуху или архалукъ, она созоветъ нѣсколько молодыхъ подругъ и, при ихъ помощи, очень скоро окончитъ заказъ. Оконченнаго платья мастерица не возвратитъ вамъ до тѣхъ поръ, покада, сложивши аккуратно всѣ сборки, не проспите на немъ одной ночи, замѣняя тѣмъ, вѣроятно дѣйствию уюга. Плата за шитье очень умеренная. Изъ всѣхъ принадлежностей мужской и женской одежды и обуви, мужчины шьютъ только сапоги и полусапожки съ красноватыми вверхъ загнутыми носками, на высокихъ съ шипами подковахъ; остальное все дѣлается руками женщинъ.

Замѣняя духи, женщины жуютъ гвоздику; помадою служитъ коровье масло: отъ лежащихъ на спинѣ кость, архалукъ всегда бываетъ засаженъ.

Печки для печеня хлѣба (назыкъ, или этмень), называемыя курюкъ, находятся только у нѣкоторыхъ хозяевъ. Этими печами пользуются сосѣди. Около курюки — мѣсто передачи сельской хроники, новостей и сплетень. Тутъ вы постоянно увидите множество женщинъ, ожидающихъ своей очереди и болтающихъ безъ устали; онѣ приносятъ съ собою готовое тѣсто на деревянныхъ лоткахъ и нѣсколько полѣньевъ дровъ или хвороста. Этмень дѣлаются плоскія, круглыя или овальныя, смазываются яйцами и нѣкоторыя изъ нихъ декуются прилѣпленными къ стѣнкамъ печки. Бѣдные жители приготавливаютъ хлѣбъ изъ кукурузной муки, называемой мучари, а богатые дѣлаютъ его изъ муки пшеничной съ масломъ, молокомъ и яйцами въ родѣ слобныхъ лепешекъ.

Сближеніе съ Русскими и подражаніе, хотя въ самой малой части, ихъ обычаямъ болѣе замѣтно въ с. Дженгутай. Мехтинцы и Шамхальцы охотно стали лечиться у нашихъ медиковъ, тогда какъ въ прежнее время исцѣленіе своихъ недуговъ всегда представляли волѣ Аллаха, отзываясь: «Алла язганъ зады!» (Такъ опредѣлено Богомъ!). Если суждено жить, то буду жить и безъ лекарства. Забавно видѣть, какъ къ нашему полковому лекарю Кестемеровскому, успѣвшему приобрести популарность въ народѣ, являются по утрамъ пациенты. Прибывшій мужчина или женщина, послѣ салама (привѣта), рассказываетъ свою болѣзнь и, указывая на половину указательнаго пальца, предупреждаетъ рассказъ свои словами: «Такимъ шуньчакъ» (дерма-

веръ!» (Докторъ, дай малую толику лекарства!) Болѣзни свои они ужасно преувеличиваютъ: если, напримеръ, у больного появилась маленькая опухоль ноги, то онъ, рассказывая это, непременно представляетъ растопыренными руками, что она у него распухла какъ колода и рассказъ этотъ заключаетъ фразою нараспѣвъ: «Шулай шишбтуръ!» (Вотъ какъ распухло!)

Впрочемъ рассказамъ простаго сердца нельзя давать большой вѣры: они или преувеличены, или смягчены, изъ нежеланія сказать неприятное.

Раненые въ дѣлахъ съ непріателемъ или въ схваткѣ между собою жители охотнѣе прибѣгаютъ къ пособіямъ туземныхъ лекарей, полагая, что одновѣрецъ старательнѣе займется его излеченіемъ и искуснѣе медика-христианина. Медики-мусульмане никогда не лечатъ своихъ пациентовъ даромъ: у нихъ есть своего рода такса на болѣзни, и за исцѣленіе ранъ приходится платитъ весьма дорого. Къ раненому, какъ и къ больному вообще, по обычаю, должны приходиться всѣ знакомые; они беспокоятъ его цѣлый день; отказаться отъ принятія посѣтителя нельзя: это было бы нарушеніемъ адата. При входѣ въ комнату раненаго, кладутъ кусокъ желѣза, предохраняющаго, будто бы, больнаго отъ сглаза; посѣтитель у порога долженъ оставить часы и кольца съ алмазами, какъ вещи, имѣющія зловредное вліяніе на рану. Амулеты (хаколь), какъ средство, предохраняющее отъ всѣхъ золъ и сглаза, въ большомъ употребленіи у мусульманъ: они привѣшиваются къ архалукамъ за спиною или подъ правую мышку, а животнымъ навѣшиваются въ кожаныхъ мѣшечкахъ на груди или же привязываются къ гривѣ или холкѣ. Амулетъ долженъ быть зашитъ въ мѣшочекъ руками невинной дѣвушки.

Хотя мусульмане и прибѣгаютъ иногда, во время своихъ болѣзней, къ пособію русскихъ медиковъ, но чаще, какъ я уже сказалъ, лечатся домашними средствами или у знахарей и считаютъ вѣрнѣйшимъ средствомъ излеченія кровопусканія: изъ лба, рукъ, ногъ, языка и изъ ушей. Операция эта производится довольно искусно простымъ ножикомъ; при открытіи крови изъ-подъ язычной жилы, языкъ вкладывается въ расщепленную палочку; для усмиренія боли, происходящей отъ ревматизма, женщины слегка прикасаются ко всѣмъ оконечностямъ своихъ членовъ горящимъ углемъ; настой изъ корицы съ малымъ количествомъ сахара и перца служитъ у нихъ лекарствомъ отъ боли живота. Изъ русскихъ лекарствъ мусульмане охотнѣе другихъ

принимаютъ рвотное. Женщинамъ всѣхъ сословій, во время беременности, предписываютъ ѣсть рѣдьку, чеснокъ и лукъ.

Простыя женщины не любятъ рождать много дѣтей и потому постоянно обращаются къ русскимъ знакомымъ, разбирая, медикъ ли тотъ, къ кому онѣ обращаются, или нѣтъ съ убѣдительною просьбою дать имъ лекарство, предохраняющаго отъ беременности: убитоженіе плода въ зародышѣ считается грѣхомъ. Частыя выкидыши подтверждаютъ догадки и молву, что въ каждомъ селеніи существуютъ тайныя лекарки умѣющія дарить руками и колыбями зародышъ нѣсколькимъ сычуга младенца.

У нѣкоторыхъ новобрачныхъ и молодыхъ дѣвушекъ появляется болѣзнь, при которой онѣ лаютъ собаками, поютъ пѣтухами или кричатъ эшаками. Мужъ и жена, въ первую ночь послѣ свадьбы, весьма часто забываютъ по угламъ своей сакли и начинаютъ оглушительный концертъ, подражая собакѣ, пѣтуху или эшаку, — концертъ, продолжающійся иногда трое сутокъ. Причину этой болѣзни, собравшаяся родня, старики и старухи, приписываютъ колдовству, утверждая, что «одъ верганъ» (данъ зелье), или «гозь тыйчанъ» (сглажены), обвиняя всегда въ томъ лицо, на которое имѣли прежде какое либо неудовольствіе.

Для прекращенія болѣзни, знахарки употребляютъ нашенстваніа, переворачиваютъ въ саклѣ двери и ставни и дѣлаютъ изъ бумаги фигурку злаго генія, Джина, которому прокалываютъ иголкою сердце и закапываютъ въ землю, заставляя его тѣмъ отступиться отъ жертвы, въ которую онъ вселился.

Никакое краснорѣчіе, никакіе доводы науки не могутъ убѣдить горца въ томъ, что зелья, заставляющаго лаять собакъ или подражать голосу другаго животного, а равно и злыхъ геніевъ на свѣтѣ не существуетъ: они убѣждены въ существованіи злаго духа точно такъ же, какъ убѣждены въ томъ, что если передъ началомъ какого нибудь дѣла вы чихнете только одинъ разъ, то должны отложить дѣло до другаго дня, или же оно будетъ неудачно, и что, для благополучнаго исхода предпріятія, должно непременно чихнуть два раза.

Какъ и у другихъ народовъ, у горцевъ есть свои повѣрья и предрасудки. Привожу изъ нихъ нѣкоторые:

1) Для прекращенія судороги, нужно приложить соломенку къ противоположному глазу или обмочить въ водѣ мизинецъ противоположнаго пальца.

2) Вой собаки предвѣщаетъ смерть.

3) Если сова или филинъ пролетятъ ночью съ крикомъ черезъ какой нибудь дворъ, то это признакъ предстоящаго несчастья.

4) Сорока, сѣвшая на заборъ или на дерево во дворѣ, обратившись головою къ жилымъ комнатамъ, предвѣщаетъ нечаянное похищеніе дорогаго гостя.

5) Дерганіе праваго глаза предвѣщаетъ ссору, слезы или неудовольствіе, а лѣваго — радость или пріятное событіе.

6) Когда чешется ладонь правой руки, то можно ожидать расхода или убытка, а лѣвой руки — прибыли.

7) Чихнуть разъ предвѣщаетъ неудачу, а два раза — полное исполненіе желаній.

8) Выбѣгающій изъ своихъ хлѣбовъ скотъ предвѣщаетъ землетрясеніе.

9) Появленіе радуги означаетъ, что одна изъ царицъ находится въ веселомъ расположеніи духа.

10) Дождь при солнцѣ есть признакъ, что одна изъ царицъ или въ слезахъ, или же страдаетъ родами.

11) Затмѣніе солнца знаменуетъ: предстоящую войну, смертность, голодъ, падежъ скота или кончину одного изъ великихъ монарховъ, а затмѣніе луны — падежъ же скота и неурожай.

12) Если курица запоетъ пѣтухомъ, неминуемое несчастье ожидаетъ ея хозяина.

13) Пѣніе пѣтуховъ въ полдень означаетъ или перемѣну погоды, или же служить признакомъ, что спасенная душа возносится къ небесамъ.

14) Если нечаянно разобьется какая нибудь посуда, то это спасетъ хозяина ея отъ предстоящей небольшой неприятности, а паденіе скотины — отъ большаго несчастья.

15) Вставая отъ сна, надѣвъ обувь на лѣвую ногу или же платье съ лѣвой руки и, раздѣваясь, снимая съ правой, можно предохранить себя отъ небольшой неприятности.

16) На томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ весною въ первый разъ увидитъ усѣвшуюся ласточку, непременно находится кладь.

и 17) Понедѣльникъ, по исчисленію мусульманъ, день сотворенія міра, считается у нихъ днемъ счастливѣйшимъ въ недѣлѣ, въ противность существующему у насъ предрасудку; вторникъ же и среду горцы считаютъ днями несчастными для всякихъ начинаній.

Мусульмане вообще очень уважаютъ старшихъ происхожденіемъ и лѣтами: сколько бы разъ старшій ни вошелъ въ комнату, младшій долженъ встать съ мѣста или только сдѣлать видъ, что намѣренъ встать, при чемъ входившій останавливаетъ его словами: «отуръ! (сиди!) При отцѣ сынъ, при старшемъ братѣ младшій сидѣть не должны. Если собралось нѣсколько лицъ и младшему изъ числа ихъ захочется пить, то онъ, взявши стаканъ или кружку воды, обязанъ прежде предложить ее всѣмъ старшимъ и потомъ уже, отвернувшись въ сторону, самъ напиться».

Женщины даже въ домашнемъ быту дѣлятъ всегда особо отъ мужчинъ. У богатаго жителя, въ день праздничный и во время приема гостей, въ обѣдъ и ужинъ, подаютъ на длинныхъ деревянныхъ подносахъ кушанья, состоящія: изъ супа (бозбашъ) съ бараниною; плова, приправленнаго изюмомъ или другими пряностями; жареной курицы, ячницы и отварной баранины. Тутъ же на чайныхъ блюдечкахъ есть: сыръ овечій, медъ, лукъ, маринованный чеснокъ, смѣтана, масло и проч. Между тарелокъ, чашекъ полоскательныхъ и чайныхъ, для сладкихъ кушаньевъ на блюдечкахъ, помѣщается хлѣбъ (чурекъ). Подносъ съ кушаньями ставится на полу, и вокругъ него садятся, поджавъ ноги, мужчины. Во время трапезы вся прислуга хозяина стоитъ у порога. Когда господинъ встанетъ отъ стола, подносъ передвигается къ порогу, и прислуга, усѣвшись кругомъ, насыщается оставшимися блюдами.

Каждый мусульманинъ, садясь къ столу, т. е. къ подносу, произноситъ молитву: «Бисмилля!» во имя Бога! Въ будни у мусульманъ дѣлается на обѣдъ и ужинъ супъ съ бараниною или курдючьимъ саломъ, безъ всякой приправы, и квадратныя клѣчки изъ пшеничной муки, отваренныя въ водѣ, съ такимъ же саломъ и съ чеснокомъ, называемыя хинкаль. Ложки употребляются деревянные, а вмѣсто вилокъ лежитъ на подносѣ нѣсколько заостренныхъ деревянныхъ палочекъ. Говядина или рвется на кусочки руками хозяина, или рѣжется ножикомъ, имѣющимся у каждого мужчины подъ кивжаломъ. Впрочемъ, простонародно рѣдко обѣдаетъ, замѣняя обѣдъ кускомъ сыра (пиндырь) и чурекъ.

Коранъ запрещаетъ мусульманамъ употреблять красное вино, и они, буквально исполняя это запрещеніе, не берутъ въ ротъ красныхъ напитковъ; простую же водку, спиртъ и все спиртуозное

ное, имѣющее бѣлый цвѣтъ, многіе употребляютъ безъ мѣры, т. е. пьютъ до того, покуда не свалятся съ ногъ.

Всѣ случаи убійства болѣею частію происходятъ въ пьяномъ видѣ. Мусульманинъ, пристрастившійся къ пьянству, если его въ томъ упрекнутъ начальникъ или родные, обыкновенно, присягаетъ на коранъ въ мечети, что болѣе пить не станетъ. Онъ повторяетъ всѣмъ и каждому, какъ бы хвастаясь своимъ поступкомъ «Андъ ичты», выпитъ присягу быть напередъ воздержнымъ, но можно поручиться, что много черезъ мѣсяць онъ опять примется за чарку, надѣлаетъ проказъ и снова станетъ пить присягу. Если горцу случится порядочно выпить, то онъ, какъ будто бы хвалясь этимъ, непременно ливится въ нетрезвомъ видѣ и къ начальнику и въ общество.

Изъ европейскихъ напитковъ Татары болѣе всего употребляютъ портеръ (арпа-су), буквально перевода: ячменная вода. Если у зажиточнаго туземца соберется нѣсколько гостей, онъ непременно станетъ угощать ихъ портеромъ, но, для соблюденія экономіи, до того вспѣнить напитокъ, что одна бутылка перкинса, Тимофѣева разливки, даетъ около 20 стакановъ. Впрочемъ, раскутившійся мусульманинъ, созвавшій къ себѣ гостей, нерѣдко умоляетъ ихъ усерднѣе осушать стаканы, становясь на колѣни и снявъ папаху. Такая тороватость преимущественно развивается въ присутствіи хана или начальника. Сотернъ, мадера и ромъ подаются изобильно на каждомъ тоѣ (балу).

Гостепримство у мусульманъ весьма развито. Выѣхавшій изъ дому Татаринъ почти въ каждомъ селеніи имѣетъ кунака (знакомаго, пріятеля), къ которому заѣзжаетъ для отдыха или ночлега. Хозяинъ обязанъ встрѣтить гостя, взять у него изъ рукъ оружіе, принять лошадей, угостить кунака, накормить коня и, при отъѣздѣ, провести его за ворота, съ пожеланіемъ счастливаго пути: «якши юль!» на что отвѣчаетъ кунакъ фразою: «исенъ туръ!» «якши юль!» на что отвѣчаетъ кунакъ фразою: «исенъ туръ!» «якши юль!» на что отвѣчаетъ кунакъ фразою: «исенъ туръ!» счастливо оставаться! Принявшій въ домъ и угостившій кунака увѣренъ, что и онъ, въ свою очередь, найдетъ подобное же гостепримство у своихъ знакомыхъ.

Приходящій въ гости мусульманинъ обыкновенно привѣтствуетъ хозяина словами: «саламъ албайкомъ!» на что должно отвѣчать: «албайкомъ саламъ!» Вслѣдъ за этимъ начинаются обоюдныя привѣтствія по усвоенной формулѣ: «хошь гѣды! исаламансенъ? тузему-сенъ? араму-сенъ? ничикъ-сенъ? уй, хульфетъ ничикдуръ? то есть: добро пожаловать! здоровъ ли? чистъ ли?

красивъ ли? какого поживаешь? домъ, семейство какво? про-
Входя въ домъ, можно также привѣтствовать хозяевъ словами
«ууюгузга якшилыхъ!» (благополучіе да будетъ для дома!) на
что отвѣчается: «Гъльгенъ сахара якшилыхъ!» (Вашъ приходъ
пускай и вамъ принесетъ благополучіе.)

Не-мусульманину и всѣмъ женщинамъ «саламъ алъйкюмъ»
не говорится: ихъ встрѣчаютъ словами: «хощъ гъладынь»
Алласахласынь!» (добро пожаловать и здравствуй), а при про-
щаніи говорятъ: «исенъ туръ!» (счастливо оставаться), «сала-
мать-оль!» (прощайте), а вечеромъ: «годже якши болсунъ»
(спокойной ночи)! Подходящій или подлѣзжающій къ своему
одновѣрцу Татаринъ долженъ первый отдать «саламъ» (привѣтъ).
Возвратить «саламъ» есть религиозная обязанность каждаго, и
неисполненіе этого обряда считается грѣхомъ: въ Коранѣ ска-
зано, что не отдаваго «салама» мусульманина убить не грѣшно.

Если вамъ случится проѣзжать около дома знакомаго мусуль-
манина, то онъ непременно задержитъ васъ и, подобно Китайцу,
будетъ приглашать настойчиво заѣхать къ нему въ гости, сопро-
вождая это приглашеніе фразою: «гъль конахъ этеякъ?» то есть
заходи, сдѣлаемъ угощеніе. Отъ этого приглашенія слѣдуетъ от-
казаться, потому что приглашающій заранѣе рассчитываетъ на
вашъ отказъ.

Каждый узденъ считаетъ себя равнымъ русскому дворянину,
и потому, при встрѣчѣ съ офицеромъ, по товарищески протяги-
ваетъ ему руку. Пригласите кунака къ себѣ въ домъ и предло-
жите ему во всякую минуту дня закусить или выпить, онъ ни-
когда не откажется. Мусульмане большею частію очень скупы и
жадны на деньги: они лишаютъ себя удобствъ жизни изъ стра-
сти собирать деньги. Однажды мнѣ случилось спросить одного
офицера изъ узденей, получающаго большое жалованье отъ
казны, почему онъ не пьетъ у себя дома чаю, на это онъ от-
вѣчалъ мнѣ, что отъ чаю чернѣютъ зубы, — вѣроятно, отъ то-
го только чаю, который пьется дома, потому что офицеръ этотъ
никогда не отказывался отъ предложеннаго ему въ гостяхъ ста-
кана вреднаго напитка. Непродолжительное посѣщеніе мусульма-
не считаютъ невѣжествомъ, и потому гость изъ туземцевъ обык-
новенно просидитъ у васъ два или три часа, не обращая внима-
нія ни на время, ни на ваши занятія, ни даже на ваше недово-
льное лицо. Мнѣ стоило очень много труда отучить подобныхъ по-
сѣтителей отъ куренья, во время визита, простаго табаку.

Замѣтки о домашнемъ бытѣ дагестанскихъ горцевъ г. Абиль-
дзета, помѣщенныя въ 50 № газеты «Кавказъ», знакомятъ насъ
нѣсколько стихомъ образомъ жизни, и потому я не считаю нуж-
нымъ повторить уже описанное, хотя и долженъ замѣтить, что
жители Мехтулинскаго ханства и Шахмальскаго владѣнія какъ
въ образѣ самой жизни, въ мягкости нравовъ и обычаяхъ, такъ
и въ манерѣ подражать Русскимъ стоятъ далеко выше жителей
другихъ обществъ Дагестана. Расквартированіе по селеніемъ
воинскихъ служивъ самымъ лучшимъ средствомъ сближенія съ нами
мусульманъ.

Пахотныя земли и покосные дуга находятся въ распоряже-
ніи сельскихъ обществъ, и хотя вообще ханы и считаютъ ихъ
своею собственностію, но, сколько мнѣ извѣстно изъ распросовъ
(впрочемъ, не положительно), въ исключительную собствен-
ность хановъ поступаютъ только земли и имущества, оставшія-
ся отъ бѣжавшихъ къ непокорнымъ горцамъ жителей. Суще-
ствуетъ еще одинъ очень несправедливый обычай: если въ семей-
ствѣ чанковъ, эмджековъ или узденей умретъ глава семейства
безъ наслѣдника мужескаго пола, то все его достояніе посту-
паетъ во владѣніе хана, и наслѣдники женскаго пола отпра-
вляются почти по-миру.

Въ семейномъ кругу мусульмане живутъ довольно дружно
только до тѣхъ поръ, покуда дѣло не коснется денежнаго инте-
реса. Я зналъ одно семейство азіатскаго офицера, жившее въ
примѣрномъ согласіи; а когда онъ былъ убитъ, то оставшіеся
послѣ него мать, жена и сынъ, получивъ отъ казны значитель-
ную пенсію, разсорились окончательно. Войдя въ разборъ ихъ
ссоры, я убѣдился, что она произошла изъ грошеваго расчета;
при раздѣлѣ пенсіи на три равныя части.

Горячая кровь и строптивость мусульманъ бываютъ причи-
ною, что незначительныя ссоры между ними, какъ, напримѣръ,
за неотдачу выбитаго въ день рамазанъ байрама яйца или за
невозвратъ найденной старой подковы, нерѣдко оканчиваются
убійствомъ или пораненіемъ и служатъ причиною кровомще-
нія (каля). Послѣ совершеннаго преступленія, убійца, обыкно-
венно, скрывается подъ защиту хана или какого нибудь значи-
тельнаго въ ханствѣ лица и находятъ всегда у нихъ покрови-
тельство: не бывало примѣровъ, чтобы давшій пристанище убійцѣ,
даже по требованію начальства, выдалъ преступника въ руки
закона. При подобныхъ требованіяхъ, убійцы, обыкновенно,

будто бы печально исчезаютъ и остаются безъ наказанія по милости обычая, предписывающаго защищать преступника. Убийцы находятъ также защиту и пристанище въ мечетяхъ, гдѣ они дѣлаются неприкосновенными и откуда съ дѣйствіемъ муллы секретно отправляются въ другія ханства, подальше отъ своихъ мстителей.

Между семействами убитаго и убійцы завязываются канли, оканчивающіяся нерѣдко нѣсколькими убійствами. Можно положительно сказать, что гораздо болѣе погибаетъ народа въ нашихъ селеніяхъ отъ кинжаловъ своихъ односельцевъ, нежели отъ оружія непріятели.

Чтобы остановить кровопролитіе, правители, а гдѣ ихъ нѣтъ, то муллы и ахсакалы (бѣлобородые старцы), тотчасъ послѣ случившагося убійства, приступаютъ къ учрежденію совѣта, называемаго маслягаты. Они, по горячимъ слѣдамъ, собираютъ на площадь родню убитаго и убійцы: беты гюркезмага, показываютъ ихъ лицо въ лицо. Двѣ партіи эти ставятся другъ противъ друга на разстояніи десяти шаговъ; между ними становится мулла съ Кораномъ и объявляетъ, что для родни убитаго назначается жертвою отомщенія самъ убійца, за тѣмъ читаетъ молитву, которую оканчиваетъ громко произнесеннымъ словомъ: патыха! да благословитъ Богъ! По совершеніи этой церемоніи, собраніе расходится отдать послѣдній долгъ убитому. Убійца живетъ два, три года вдали отъ родины, родни и семейства; онъ, рискуя своею жизнью, навѣщаетъ ихъ иногда, но не иначе, какъ ночью и секретно, избѣгая встрѣчи съ мстителями.

Канли оканчивается въ послѣдствіи мировою, чрезъ посредничество хановъ, муллы или гуджли-киши, сильнаго лица, къ которымъ родственники убійцы обращаются съ просьбами о содѣйствіи къ примиренію. Принявшій въ дѣлѣ этомъ участіе собираетъ къ себѣ родню убитаго и проситъ у нихъ помилованія преступнику, въ томъ вниманіи, что убитаго уже не воротить, что случившееся происшествіе «Аллахъ язганъ задъ!» такъ было определено Богомъ. Мстители, по адату, поднимаютъ шумъ и оказываютъ сопротивленіе, но наконецъ, получивъ какой нибудь подарокъ, будто бы ради просьбы ходатая (хатырь-пчюнтъ) соглашаются на мировую. Тогда вся родня убійцы, общими силами, въ теченіе трехъ дней, угощаетъ всю родню убитаго муллы. На третій день, вечеромъ, одинъ изъ почетныхъ жителей вводитъ въ общее собраніе преступника, заволнованнаго, обез-

руженнаго и съ обнаженною головою; войдя комнату, онъ бросается въ ноги всѣмъ роднымъ убитаго, испрашивая себѣ прощенье; съ малымъ сопротивленіемъ ему прощаютъ, и тогда онъ беретъ кружку съ бузою или водкою, цѣлуетъ еще разъ колѣни всѣхъ присутствующихъ и подноситъ каждому изъ нихъ воловь рогъ, наполненный напиткомъ, называемый канли-стаканъ или канъ-ахъ, стаканъ примиренія, тѣмъ и кончается процессъ мировой слѣлки.

Изъ этого описанія можно видѣть, что канли у мусульманъ, подобно, какъ Venedetta въ Корсикѣ, имѣетъ иногда основаніемъ самую незначительную причину, за которую мщеніе, переходя изъ рода въ родъ, продолжается нѣсколько лѣтъ и члены состоящихъ во враждѣ семействъ убиваютъ другъ друга тайно, изъ-за стѣны или плетня; разница заключается въ томъ, что въ Корсикѣ, при мировой, примиряющіяся стороны, подавъ себѣ руки примиренія, спѣшатъ въ храмъ Божій благодарить Провидѣніе за прекращеніе кровопролитія, а, при окончаніи канли, мусульмане стремятся къ извлеченію себѣ выгоды и къ тому, чтобы порядочно кутнуть на счетъ семейства, предложившаго миръ.

За смертоубійства, сношеніе съ немирными горцами и другія важныя преступленія, если преступникъ не скроется бѣгствомъ, онъ наказывается, по приговору правительства, ссылкой во внутрь Россіи, навѣчно или на определенное число лѣтъ; каждую ссылку во внутренніе города мусульмане считаютъ ссылкой въ Сибирь. За маловажные проступки ханы наказываютъ своихъ подвластныхъ заключеніемъ въ особо для того вырытую на возвышеніи яму, съ однимъ маленькимъ отверстіемъ наверху, закрывающимся дверцею; западня эта, называемая толъ, бываетъ глубиною въ 3 и шириною 1½ сажени въ діаметрѣ.

Родственники преступника, цѣлымъ семействомъ, для испрошенія ему помилованія, изыскиваютъ время, чтобы застигнуть начальника или хана, при проѣздѣ ихъ черезъ селеніе, ложатся ницъ поперекъ дороги, мужчины безъ папахъ, а женщины безъ головнаго убора, съ растрепанными волосами и съ поднятыми вверхъ руками. Застигнутые такою грустною процессіею ханы, по принятому обычаю, должны оказать помилованіе преступнику или же ходатайствовать о томъ передъ высшимъ начальствомъ.

Копькрадство производится болѣею частію абреками, то есть жителями, бѣжавшими отъ насъ въ предѣлы немирныхъ

намъ горцевъ, послѣ совершения преступленій; они, секретно являясь въ свои родныя селенія, иногда съ помощію родственниковъ, крадутъ лошадей, преимущественно принадлежащихъ всадникамъ Дагестанскаго коннаго полка. Определеніе князя-шамхала Тарновскаго, чтобы за каждую украденную въ полку строевую лошадь платили жители тѣхъ селеній, въ которыхъ произошло воровство, почти прекратило конокрадство. Если у васъ будетъ украдена лошадь и въ послѣдствіи опознаете ее у какого либо мусульманина, то должны послать ему табакъ (20 к. с.), завернутый въ кусочекъ бѣлаго каленкора, и лошадь ваша будетъ вамъ тотчасъ возвращена, а дѣло о переходѣ ея изъ рукъ въ руки подвергается разбору адата.

Въ доказательство сказаннаго мною выше, что большее число горскихъ мусульманъ погибаетъ отъ оружія своихъ односельцевъ изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, нежели отъ оружія непріятеля, я приведу въ примѣръ изъ числа многихъ происшествій одно, недавно случившееся и имѣвшее исходъ весьма трагическій: у есаула нашего полка Мамало Чохскаго были въ гостяхъ въ селеніи Буглени два Казанищенца. Они, пользуясь гостепріимствомъ хозяина, въ изъявленіе дружбы, выпили лишнюю чарку. Простившись съ есауломъ, они, по пути въ свой аулъ, заѣхали еще въ духанъ и запаслись бутылкою спирта. Половина времени, проведеннаго въ дорогѣ, прошла благополучно, сокращаемая пѣніемъ и джигитовкою; потомъ товарищи, спѣшившись, вздумали прохладиться спиртомъ; одинъ изъ нихъ въ молчаніи, потянувъ изъ горлышка порядочную дозу влаги, передалъ ее другому, который, принимая спиртъ, закричалъ:

— За здоровье Мамало! урра!

— Зачѣмъ ты пьешь здоровье Мамало? развѣ онъ нашъ ханъ или начальникъ? сказалъ товарищъ.

Приложившись вторично къ бутылкѣ, провозгласитель гостя закричалъ еще громче:

— За здоровье Мамало! уррра!

— Повторяю тебѣ, ты ужасно глупъ! сердясь, говоритъ другой: — зачѣмъ ты пьешь здоровье Мамало? Перестань, или жея тебя исколоту, собака!..

— Я пью здоровье того, кто мнѣ нравится! сказалъ неспорчивый мусульманинъ и, въ заключеніе, приложившись къ

бутылкѣ въ третій разъ, закричалъ: — за здоровье Мамало! уррра!...

Взбѣшенный противорѣчіемъ и разгоряченный спиртомъ, его спутникъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ грудь своему другу, который, шатаясь отъ полученной смертельной раны, обнаживъ кинжалъ, проткнулъ имъ насквозь своего убійцу. Два трупа остались на мѣстѣ.

Рамазанъ-байрамъ (годовой праздникъ), воспоминаніе прибиты Магомета послѣ бѣгства изъ Мекки въ Медину, здѣшніе мусульмане (секты Сунни) празднуютъ подобно тому, какъ празднуется христіанами день Пасхи: при поздравленіяхъ, они мѣняются красными яйцами и въ домахъ своихъ готовятъ столы, заставленные разными сладостями и напитками, у знатныхъ лицъ: портеромъ, мадерою, хересомъ и сотерномъ, а у простонародья — бузою и водкою. Поздравляя съ праздникомъ, говорится: «Байрамунгъ кутлу болсунъ! тутканъ уразангъ Аллаха кабулъ этсынъ», что значитъ въ переводѣ: поздравляю съ праздникомъ и желаю, чтобы Богъ принялъ твои говѣнья на твое спасеніе.

Дѣвушки и молодыя женщины надѣляютъ своихъ знакомыхъ вышитыми золотомъ, серебромъ и шелкомъ яйцами и панками.

Въ теченіе тридцати дней, предшествующихъ рамазанъ-байраму, мусульмане держатъ постъ (ураза). Въ воспоминаніе, что Магометъ, при бѣгствѣ изъ Мекки въ Медину, находился въ пути 29 дней, они цѣлый день ничего не ѣдятъ, не пьютъ, а мужчины не курятъ трубки; за то нужно видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ ждуть они вечерней зори, чтобы приступить къ ужину. Въ полночь и на разсвѣтѣ они также встаютъ для порядочной закуски. Въ послѣдніе дни поста, толпы народа собираются около мечети и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ за появленіемъ новой луны, предвѣстницы окончанія ураза и начала байрама. Затемнившія горизонтъ тучи заставляютъ иногда мусульманъ поститься лишній день. Многіе поклонники пророка Магомета, изъ числа новаго поколѣнія, не только не соблюдаютъ поста, но не дѣлаютъ намазовъ и рѣдко заглядываютъ въ мечети.

Здѣшніе жители и сроднившіеся съ ними выходцы изъ горъ (я говорю о простонародья) хотя очень привязаны къ мѣстамъ своего жительства, но весьма не любятъ быть домохозяевами: большая часть съ разсвѣтомъ уходитъ изъ своего дома и проводитъ

время или около мечети, или на дворѣ у начальника, занимающаго пустословіемъ. Бывали случаи, что служащіе у хановъ нукеры по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не осведомлялись лично о благосостояніи своего семейства, живущаго вблизи; возвратившись изъ продолжительной командировки нукеръ, вмѣсто того, чтобы прежде всего заѣхать въ свой домъ, отправляется къ начальнику или хану и остается тамъ до полночи, дремля прислонившись къ стѣнѣ. Непроуда и непроходимая грязь не останавливаютъ мусульманъ отъ всedневныхъ путешествій; въ сильную грязь они вооружаются ходулями (канкасларь).

Мусульмане имѣютъ особую страсть быть ходатаями за другихъ. Ни одна просьба не приходитъ къ начальнику или хану прямымъ путемъ: имѣющій просьбу предварительно посылаетъ отъ своего имени другое лицо, въ полномъ убѣжденіи, что, прося вдвоемъ, скорѣе выпросишь чего нужно. Отказаться отъ предложенія быть ходатаемъ адаты не позволяютъ.

Кромѣ многихъ довольно странныхъ и смѣшныхъ привычекъ, простонародье имѣетъ большую страсть приносить начальству жалобы, не разбирая, основательны ли эти жалобы, или нѣтъ. Изъ числа многихъ, вотъ образчикъ жалобы и сопровождавшая жалобу сцена:

Начальникъ сидитъ за письменнымъ столомъ и занятъ составленіемъ какой-то замысловатой бумаги.

Дверь отворяется. Входятъ Магома и Омаръ, оба вмѣстѣ.

— Тангъ якши болсунъ! доброе утро!

Начальникъ. Саолъ спасибо! *(Молчаніе.)*

Начальникъ. Не хабаръ? чтò новаго?

Магома и Омаръ. Саудухъ! благополучіе! *(Четверть часа молчанія. Начальникъ продолжаетъ занятіе.)*

Начальникъ *(которому наскучило присутствіе просителей, спрашиваетъ ихъ вторично)*. Не хабаръ?

Магома и Омаръ. Задъ юхтуръ! ничего нѣтъ! *(Опять молчаніе.)*

Начальникъ. Конечно, вы пришли не безъ причины и потому объясните, чтò вамъ нужно.

Магома. Эрзумъ баръ, начальникъ! жалоба есть! Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Омаръ женился на моей дальней родственницѣ, съ которою нынѣ развелся. При составленіи кибана (свадебнаго контракта), было сдѣлано условіе, что если когда

либо Омаръ разведется съ женою, то долженъ ей дать 10 десятинъ земли.

Начальникъ. Сколько мнѣ извѣстно, у Омара нѣтъ и клочка земли: гдѣ же его земля, о которой говорится въ контрактѣ?

Магома. Въ Гергебилѣ, начальникъ!

Начальникъ. Ну, любезный другъ, Гергебилъ аулъ мирный, а потому если ты хочешь получить землю, находящуюся при томъ аулѣ, то обратись къ Шамилю, а я тутъ ничего не могу сдѣлать!

Магома *(протяжно)*. Дуръ! такъ! *(Молчаніе.)*

Начальникъ. Еще чтò?

Магома. Положимъ, что я не могу получить земли, на что я вполне согласенъ, но, по свадебному контракту, я обязался сдѣлать для своей родственницы въ день свадьбы все шелковое платье, за которое, въ случаѣ развода, Омаръ долженъ мнѣ заплатить 15 р. сер. По адату, онъ непременно обязанъ возвратить мнѣ эти деньги...

Начальникъ. Ну, это другое дѣло. *(Справка въ контрактъ.)* Омаръ, точно, долженъ возвратить тебѣ 15 р.

Омаръ. Я, начальникъ, не получилъ этого платья; Магома, точно, обѣщался его сдѣлать, но обѣщаніе это осталось неисполненнымъ.

Магома. Дѣйствительно, я не сдѣлалъ платья, но обѣщался его сдѣлать. По нашему адату, это все равно. Омаръ долженъ заплатить мнѣ за него деньги....

Начальникъ. Быть можетъ, это по вашему адату и такъ, но я нахожу, что обѣщать и сдѣлать не одно и то же, и считаю жалобу твою совершенно неосновательною и даже глупою....

Магома. Дуръ! такъ!

Начальникъ. Толковать нечего! Стыдно беспокоить подобными жалобами. Ступайте съ Богомъ.

Магома. Сенынъ башине садаха болсунъ! да будетъ это жертвою въ пользу твоей головы! Начальникъ слегка киваетъ головою.

Магома и Омаръ. Тангъ якши болсунъ! *(Толкаются оба около дверей, не зная, какъ справиться съ русскою щколдою, и уходятъ.)* Подобныя сцены првтораются весьма часто, и всѣ почти жалобы начинаются отъ отца и прадѣда (ата бабаданъ).

Во время свирѣпствованія холеры (бабаахъ) или другой эпидемической болѣзни, мусульмане исполняютъ языческой искупи-

тельный обрядъ, считая его вѣрнѣйшимъ средствомъ прекращенія болѣзни. Всѣ жители того селенія, въ которомъ появилась болѣзнь, дѣлаютъ посильную складчину денегъ, на которые покупаются бараны для жертвоприношенія. Вблизи селенія выбирается небольшой курганъ, который прокапывается насквозь по направлению къ Меккѣ, шириною въ аршинъ и вышиною въ ростъ человѣка. По срединѣ этой канавы оставляется поперечная стѣна шириною въ аршинъ, и въ ней пробита дыра въ видѣ дверей, вышиною въ полтора и шириною въ три четверти аршина, называемая дышникъ. Въ опредѣленный для церемоніи день, все народонаселеніе обою пола стекается къ кургану. При входѣ и выходѣ въ канаву, поставлены по обѣимъ сторонамъ котлы съ водою, въ которыхъ плаваютъ бумажки, исписанныя молитвою; при каждомъ котлѣ находится мулла съ навязанною на палочкѣ тряпкою, замѣняющею кропило; при выходѣ изъ канавы, съ лѣвой стороны, поставлено нѣсколько котловъ съ изрѣзанною въ мелкіе кусочки отваренною бараниною. Сначала пролѣзаетъ чрезъ пролѣзанныя двери ханъ или старшій въ селеніи; его путь сопровождаютъ муллы молитвою и обильнымъ съ обѣихъ сторонъ окрапливаніемъ водою и, при выходѣ, даютъ кусочекъ баранины. То же самое повторяется со всѣми участвующими въ церемоніи мужчинами и женщинами.

Владѣтельные ханы и управляющіе мусульманскими округами въ Дагестанѣ русскіе офицеры, для исполненія туземныхъ обычаевъ и снисканія популярности въ народѣ, должны нести огромные расходы. При приглашеніи на «той» (танцевальный вечеръ), на свадьбы и другія увеселенія, обычай требуетъ облачить танцующихъ, пѣсенниковъ обою пола и прислугу. Нерѣдко случается, что на пиру подвластные, въ знакъ своего душевнаго расположенія, снимаютъ съ своего хана все оружіе и одежду, оставивъ его почти въ одномъ нижнемъ платьѣ. Приближенные хана или правителя, нукеры получаютъ отъ него кромѣ пропитанія, одежду, оружіе и лошадей. Нужно же откуда нибудь взять денегъ для удовлетворенія обычая праотцевъ, и мѣненіе котораго потомки такъ усердно отстаиваютъ!...

Хотя борьба у мусульманъ употребляется весьма рѣдко, однакожь, въ подтвержденіе своихъ словъ, они клянутся, призывая имя Аллаха и Корана, напимѣръ: «Аллахъ хакъ ичюнъ! Коранъ хакъ ичюнъ!» то есть: ручаюсь именемъ Аллаха! ручаюсь

словами Корана! Мужчины въ шуткахъ съ женщинами говорятъ: «Иштанъ хакъ ичюнъ!» (ручаюсь твоими штанами!)

По сигналу, возбуждающему тревогу, каждый горецъ считаетъ долгомъ какъ можно скорѣе поспѣшить къ мѣсту боя: Пѣшіе и конные, бѣлые и босикомъ, мчатся по улицамъ, воодушевляемые призывами женщинъ, сидящихъ на крышахъ своихъ домовъ. Вся эта разнообразная толпа стремится на бой одиночкѣ. Ихъ можно собрать только въ одно цѣлое въ виду уже непріятеля, при разгарѣ перестрѣлки. При появленіи русскаго резерва, мусульмане дѣйствуютъ гораздо смѣлѣе и ихъ фланкировка наноситъ большой вредъ преслѣдуемому непріятелю. Уклоняющийся отъ выхода на тревогу считается трусомъ, хотя и выскочившій первымъ найдетъ всегда, если захочетъ, безопасное мѣсто въ бою.

Всѣ сословія мусульманъ въ Дагестанѣ, по образу жизни, содѣйственной съ непріятелемъ, должны быть причислены къ военному сословію; каждый житель конный есть всадникъ-фланкеръ, а каждый пѣшій — ловкій застрѣльщикъ.

Управляя около четырехъ лѣтъ горскими мусульманами, я, во все это время, смѣло могу сказать, умѣлъ приобрести ихъ любовь и уваженіе. Начальствующій мусульманами долженъ держать себя передъ ними нѣсколько гордо, съ терпѣніемъ выслушивать приносимыя ими жалобы, рѣшать ихъ по русскимъ законамъ или мѣстнымъ адатамъ, выѣзжать съ ними на тревоги и, главное, быть справедливымъ: тогда только онъ заслужитъ расположеніе и любовь подчиненныхъ, и о немъ мусульмане будутъ отзываться: «октемъ! хакили киши!» (гордый, умный человѣкъ!) Напротивъ же, если вы пуститесь съ простыми мусульманами въ шутки, будете оставлять ихъ жалобы безъ разбора, окажете несправедливость, явно выказывая свое пристрастіе къ христіанину, наконецъ въ дорогѣ захотите показать себя джигитомъ, безъ надобности мчась на конѣ передъ конвоемъ, едва за вами поспѣвающимъ, то, навѣрное, заслужите названіе «ѳнгиль киши» — легкій (пустой) человѣкъ, и въ такомъ случаѣ ни подарки, ни угощеніе не снизуютъ вамъ расположенія подчиненныхъ. Правда, что они съ охотою примутъ отъ васъ подарокъ, съ удовольствіемъ будутъ пить вашу водку, громогласно провозглашая тосты: «начальникнъ саулухуне, урра!» (за здоровье начальника), но все-таки названіе «ѳнгиль киши» при васъ останется.

Живя съ Татарами, нѣтъ никакой надобности самому отъ-
 тариться, а нужно только нѣсколько привыкнуть къ ихъ об-
 чаю, узнать ихъ характеръ, не оказывать имъ презрѣнія, и э-
 сдѣлаетъ васъ въ глазахъ мусульманина достойнымъ уваженію
 начальникомъ, хотя благодарность и неизмѣнная преданность
 не есть ихъ отличительное качество.

Къ простому горцу никогда не слѣдуетъ явно выказывать
 своего расположенія, потому что онъ непременно забудется
 если былъ хорошъ, то испортится. Попробуйте нарочно ден-
 или два обласкать горца, пошутить съ нимъ, онъ на третій денъ
 явится съ какою нибудь просьбою, ходатаемъ за другихъ, и д-
 того надѣяться, что вамъ придется его выгнать.

Вотъ плодъ моей небольшой опытности и наблюденій надъ
 горскими племенами, съ которыми меня столкнула судьба. Мо-
 жетъ быть, другой сѣумѣлъ бы изложить все мною сказанное
 гораздо искуснѣе и занимательнѣе, сѣумѣлъ бы придать своей
 статьѣ живой интересъ, котораго я, какъ неискусный и неопыт-
 ный расказчикъ, придать не могъ. Я же рѣшился напечатать
 мою статью только на томъ основаніи, что самое содержаніе ея
 канва, достойно вниманія читающей публики.

ПАВЕЛЪ ПРЖЕЦЛАДСКІЙ.

Укр. Буртунай.
 1 мая 1839 года.